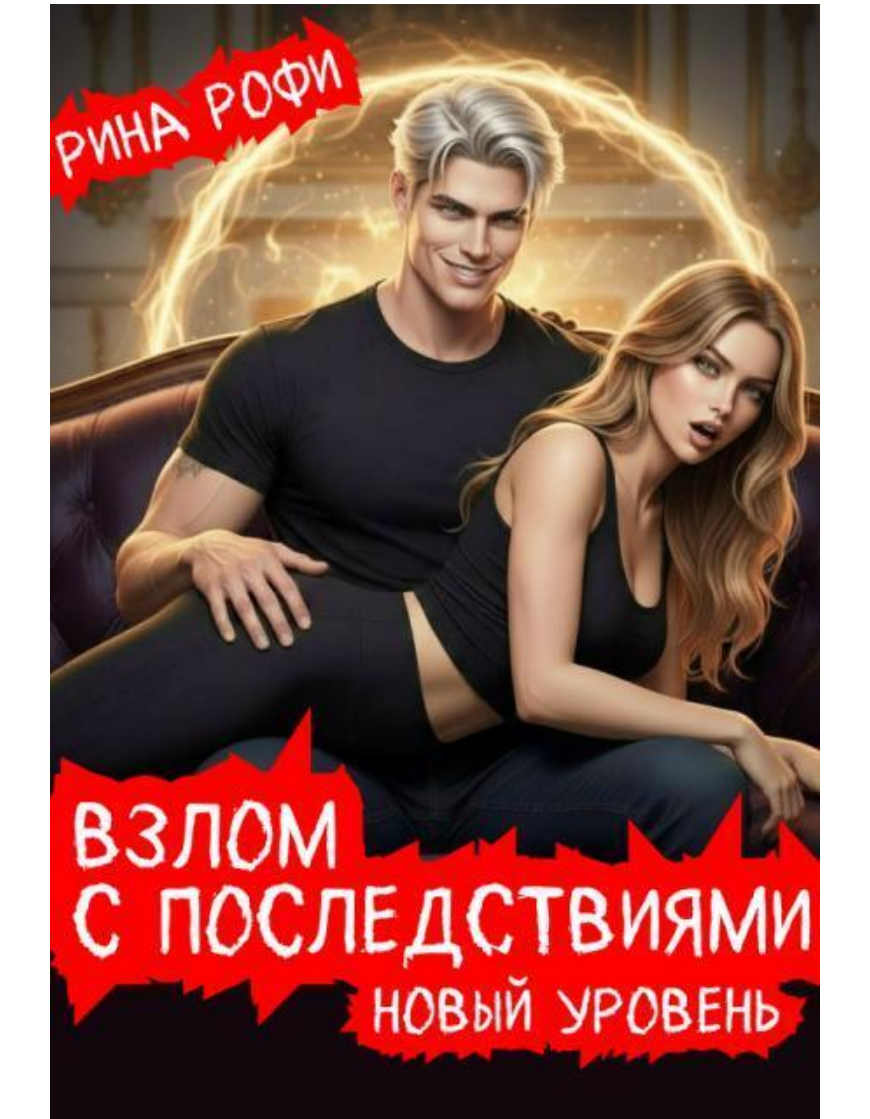

A man with short, styled silver hair and a black t-shirt sits on a dark leather couch, smiling at the camera. A woman with long, wavy blonde hair, wearing a black crop top and dark pants, sits next to him, leaning forward with a surprised expression. A bright, golden-yellow energy aura or lightning bolt arcs behind them, creating a dramatic effect. The background is a dimly lit room with architectural details.

РИНА РОФИ

ВЗЛОМ
С ПОСЛЕДСТВИЯМИ
НОВЫЙ УРОВЕНЬ

Рина Рофи

Взлом с последствиями.

Новый уровень. 2 том

<https://litres.ru/74207678>

Аннотация

Один взлом портала разделил мою жизнь на До и После...Теперь я не просто Рита, не просто Ходячая, а контрактор на службе у демона и судя по его намекам контракт бессрочный. Но что, если к этому тюремщику начнут просыпаться чувства? Бред? А вот и нет и теперь главная цель - свалить до того, как он узнает. Ведь если узнает, то мне конец. Он сказал, что не отпустит, но я сделаю все, что бы сбежать.

Велиал..Князь..Угроздило же меня так влипнуть..

Первая часть романа Взлом с последствиями:

Что ждет?

- сильная главная героиня - страсть - властный, но не жесткий в своей демонической сути главный герой - от неприязни до любви
- поиск заказчика, выход на темные силы, заговор - откровенные сцены не с первой главы! - ХЭ - Ходячая сквозь миры

Книги про ходячих:

1. Оборванная связь. - 2. Ходячая сквозь миры. Ты моя - 3. Ходячая сквозь миры. На разломах судьбы.

Содержание

Глава 1. Он никогда не должен узнать.	4
Глава 2. Роль	14
Глава 3. Ну и денек	20
Глава 4. Хорошее настроение	27
Глава 5. Тренировка	40
Визуализация Велиал и Рита	50
Глава 6. Мысли	51
Глава 7. Утро	59
Глава 8. Перехват	86
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Глава 1. Он никогда не должен узнать.

Я сглотнула. Воздух казался густым и тяжёлым, пропитанным отзвуком его слов. Но теперь они обрели новый, ещё более страшный смысл.

Метка.
 Это было не внешнее клеймо. Не магический символ, нарисованный на коже. Это произошло в самый первый раз, когда он взял меня — не как завоеватель, а в тот момент, когда контроль над собой треснул, и он кончил. В ту секунду яростного, абсолютного обладания, в самую глубину катарсиса, у него проскочила не мысль, а чистое, первобытное *намерение* — пометить. Утвердить. Сделать своей на таком уровне, который не стереть. И его сила, его сущность, вплелась в мою не снаружи, а *изнутри*. Как корень ядовитого растения, проросший в самое сердцевину.

Это не было решением или ритуалом. Это был инстинкт. Демонический, древний, неоспоримый. И с тех пор эта метка жила во мне. Невидимая, но ощутимая. Как второе сердцебиение. Как тихий гул на заднем плане сознания, который всегда напоминал, кому я принадлежу.

И теперь его слова ударили с новой силой. «Ты всегда будешь чувствовать её». Да. Я чувствовала. Каждый день. Особенно когда он был близко. Особенно когда он смотрел на

меня *так*. Это была не цепь на шее. Это была цепь в самой душе.

Мне капец.

Мысль уже не была панической. Она была констатацией леденящего факта. Он был прав. Это не было отпущено «на время». Это было навсегда. Потому что метку, вплетённую в саму ткань моего существа, нельзя было вырезать, не уничтожив меня вместе с ней. Она была частью меня теперь. Как воспоминание о его прикосновениях. Как страх перед его гневом. Как это предательское тепло в груди, когда он говорил «недостойно тебя».

Я обхватила себя руками, но это не могло согреть холод, идущий из самой глубины, оттуда, где пульсировала его метка. Он сказал «навсегда». И это было не угрозой. Это было описанием реальности. Моей новой, единственной реальностью.

Война с Шаккалом могла закончиться. Его интерес ко мне как к «консультанту» мог угаснуть. Но метка... метка останется. Она будет тянуть, как магнит. Напоминать. Делать любое «вольное плавание» пыткой тоски по источнику этой метки. По *нему*.

Я стояла, и мир вокруг казался плоским, лишённым перспектив. Все пути вели обратно к нему. Все дороги замыкались в этой квартире, в этой постели, в этом невыносимом, вечном «мы». Потому что «я» уже не существовало отдельно. «Я» было «помеченное им».

И от этой мысли не оставалось даже пустоты. Оставалось только тихое, всепоглощающее отчаяние, от которого хотелось плакать, но слёз не было. Потому что даже слёзы были бы признаком того, что что-то можно изменить. А изменить уже ничего было нельзя.

Если бы он узнал... Боги. Если бы этот ледяной, всё анализирующий ум догадался, что его метка нашла отклик не только в энергии, но и в самом тёмном, самом запретном уголке моей души...

Если бы он понял, что я не просто «осложняю уравнение», а отчаянно пытаюсь вырвать из своего сердца то самое растение, чьи корни он так глубоко запустил. Что каждое его прикосновение, каждый взгляд, каждая эта вспышка чего-то почти человеческого — не просто раздражает или привязывает, а *удобряет* эту ядовитую почву. Что моя «сложность» — это война. Война между инстинктом выживания, который велит прижаться к источнику силы и тепла, и остатками разума, которые кричат о самоубийстве такой связи.

Он увидел бы не просто непокорную переменную. Он увидел бы поле битвы. И для такого стратега, как он... это было бы величайшим интересом. И самым страшным оружием.

Он мог бы начать *использовать* это. Не грубо. Точно. Как скальпель. Одним нежным жестом — подлить воды на тот росток, что я пытаюсь задушить. Одним холодным словом — прижечь его, вызвав такую боль, что я сама потянусь к нему за мнимым утешением. Он мог бы играть на этой струне, де-

лая её тоньше или громче, наблюдая, как моя сила вспыхивает от его «внимания» и угасает от его «равнодушия».

И самое ужасное — он, вероятно, нашёл бы в этом извращённую, демоническую эстетику. Не просто контроль над телом или силой. А контроль над самой любовью, над преданностью, над этой мучительной зависимостью. Превратить самое сильное человеческое чувство в инструмент, в рычаг, в источник энергии. Это было бы высшим проявлением его власти.

А мои попытки «искоренить» стали бы для него лишь показателем сопротивления материала. Интересной задачей по преодолению. Он наблюдал бы за этой внутренней борьбой с холодным любопытством учёного, видящего, как подопытное существо мечется между инстинктом и разумом.

И в конце концов, он бы победил. Не потому что сломил бы меня силой. А потому что заставил бы меня *принять* эту любовь как данность, как часть моей новой природы. Как неотъемлемое качество «помеченной». Чтобы я не просто принадлежала ему, а *жаждала* этой принадлежности. Чтобы моё собственное сердце стало моей тюрьмой, а его присутствие — единственным воздухом, которым можно дышать.

От этой мысли становилось так страшно, что даже метка внутри, казалось, замерла в ожидании. Потому что если он узнает... то игра окончательно перестанет быть игрой. Она станет системой тотального контроля, где даже мои попытки

сопротивляться будут частью сценария, написанного им. И тогда «капец» обретёт свой окончательный, бесповоротный смысл.

Боже. Он никогда не должен узнать.

Мысль ударила острой, ясной паникой, похолодив даже ту странную, тягучую тяжесть, что осталась после его слов. Чёрт с ней, с меткой. С этой физической, магической привязкой. Пусть она тянет, пусть жжёт изнутри. С этим можно бороться. К этому можно пытаться привыкнуть, как к хронической болезни.

Но *это*... Нет. Нет, уж.

«Это» — было гораздо страшнее. «Это» было признанием поражения не тела, а души. «Это» превращало меня из пленницы с шансом на бунт в добровольного раба. В идеальный, саморегулирующийся инструмент, который сам рвётся в руки хозяина. Если он узнает, что его метка пустила корни не только в энергию, но и в чувства... Всё кончено. Окончательно.

Я зажмурилась, прислонившись лбом к прохладному стеклу кухонного шкафа. Нужно было прятать это. Глубже. Под слой гнева, под маску покорности, под усталость. Нельзя позволить ни единой искорке этого пробиться наружу. Ни взглядом, ни случайным вздохом, ни — боги упаси — ускоренным восстановлением сил, которое могло быть с этим связано.

Он никогда не должен узнать.
 Это стало новой

мантрой. Важнее, чем «держаться». Важнее, чем «уйти». Потому что если он узнает, то уходить будет уже некуда. Даже в мыслях.

Я выпрямилась, глубоко вдохнула, выдохнула, пытаюсь стряхнуть с себя липкий ужас. Нужно было возвращаться к роли. К «сложной переменной». К «инструменту с характером». К чему угодно, только не к тому, кем я становилась внутри.

Я вышла из кухни. Он сидел в кабинете за столом, уткнувшись в экран ноутбука, но я чувствовала, как его внимание тут же переключилось на меня. Беззвучно. Как луч радара.

— Ну что ж, — сказала я, останавливаясь в дверях, стараясь, чтобы голос звучал ровно, с лёгкой усталой горечью, — «навсегда», так «навсегда». Приказы на сегодня есть? А то у «помеченной» расписание должно быть плотным, раз уж на веки вечные договорились.

Я впрыснула в слова именно ту смесь сарказма и показной покорности, которую он, кажется, ожидал. Не кротость — он бы заподозрил. Не ярый протест — он бы разозлился или развеселился. А вот это — уставшее принятие неизбежного с кислой миной: самый безопасный вариант.

Он медленно поднял на меня взгляд. Его аметистовые глаза изучали моё лицо, искали трещины в новой маске. Я выдержала его взгляд, не моргнув, изображая ту самую «осложняющую» наглость.

Уголок его рта дрогнул. Не в улыбку. В выражение... удо-

влетворённого интереса. Как будто я снова сделала ожидаемый, правильный ход в нашей бесконечной партии.

— Приказы есть, — ответил он, откидываясь на спинку кресла. — Но сначала кофе допей. Холодный уже. И перестань киснуть. «Навсегда» — не приговор каторги. При правильном подходе это может быть... взаимовыгодным сотрудничеством.

Он говорил это своим обычным, властным тоном, но в последней фразе слышалось то самое, опасное семя — предложение пересмотреть условия. Возможно, это была новая ловушка. Возможно, очередная манипуляция.

Но для меня это было только одним: доказательством, что моя новая маска работает. Он видел не влюблённую дурку, пытающуюся вырвать из сердца сорняк любви. Он видел строптивного, но смирившегося с неизбежностью подчинённого. И это было моей единственной, хрупкой победой в этой войне, которую я теперь должна была вести на два фронта: против него и против самой себя.

И ради этой победы я была готова на всё. Даже на то, чтобы играть во «взаимовыгодное сотрудничество» до конца своих дней. Лишь бы он никогда, *никогда* не узнал, что на самом деле творится у меня в сердце.

Я одним глотком допила остатки кофе. Холодная, горькая жидкость стекла в горло, но это было кстати — помогло стряхнуть последние следы дрожи. Я поставила чашку на стол с чётким, сухим стуком.

— Слушаю.

Я стояла прямо, руки по швам, взгляд устремлён куда-то в пространство над его левым плечом. Идеальная поза солдата, принимающего приказ. Без эмоций. Без «кислятины». Просто функционал.

Он оторвался от экрана, откинулся в кресле и уставился на меня. Его взгляд был тяжёлым, сканирующим. Он искал подвох. Искал ту самую «осложняющую» ноту, которую только что слышал.

— Это что, — произнёс он наконец, медленно, растягивая слова, — новый вид бунта? Бесстрастное послушание?

В его голосе звучало не раздражение, а любопытство. Как будто я подкинула ему новую, интересную головоломку.

Я перевела на него взгляд. Прямо в глаза. Стараясь, чтобы в моих не было ничего, кроме нейтральной готовности.
— Нет, — ответила я ровно. — Это принятие реальности. Ты объяснил правила. Я их поняла. Бунтовать против очевидного — нерационально. Это пустая трата энергии.

Я произнесла это тем же тоном, каким он сам говорил о «демонической логике». Подражая его прагматизму. Показывая, что усвоила урок.

Он замер, его пальцы перестали постукивать по ручке кресла. Он смотрел на меня с тем самым пристальным, аналитическим интересом, который был для него привычнее любой страсти. Мне казалось, я вижу, как в его голове шестерёнки проворачиваются, оценивая новый паттерн моего

поведения.

— Принятие реальности, — повторил он задумчиво. — Интересная формулировка. — Он встал, подошёл ко мне, остановившись так близко, что я снова почувствовала его энергию, его тепло. Его взгляд скользнул по моему лицу, шее, плечам, будто пытаюсь найти физические признаки этой самой «реальности» на моей коже. — А где же та самая «сложная переменная»? Та, что огрызалась и спорила о терминах?

— Она никуда не делась, — сказала я, не отводя глаз. — Просто теперь она работает в рамках заданных параметров. Эффективнее.

Уголок его рта дрогнул. Почти улыбка, но не добрая. Удовлетворённая. Как у хищника, который увидел, что добыча наконец-то перестала метаться и приняла свою судьбу.
— Очень разумно, — кивнул он. — На удивление разумно. — Он сделал паузу, и его взгляд стал пронзительнее. — Но если это игра, Рита... если ты пытаешься обмануть меня этой... покорностью... помни, я вижу намного дальше, чем ты думаешь.

— Это не игра, — парировала я, всё тем же ровным тоном. — Это стратегия выживания. Самая логичная из доступных.

Он смотрел на меня ещё несколько долгих секунд, затем медленно кивнул.
— Ладно. Примем это как рабочую гипотезу. — Он повернулся к столу и взял планшет. — Сегодня работаем с картой. Нужно выявить закономерности в

перемещениях Шаккала на основе твоих вчерашних ощущений от точек. Ты будешь анализировать, я буду строить модели. Без эмоций. Без «бунта». Чистая работа. Договорились? — Договорились, — ответила я.

Он протянул мне планшет. Его пальцы снова коснулись моих. На этот раз я не вздрогнула. Просто взяла устройство. — Начинай, — сказал он и вернулся к своему креслу, уставившись на меня уже не как на женщину или пленницу, а как на... коллегу по сложному проекту. С холодным, оценивающим интересом.

А я, держа в руках планшет, поняла, что только что перешла на новый, ещё более опасный уровень нашей игры. Уровень, где моим оружием должна была стать не ярость и не слёзы, а его же собственная, ледяная логика. И где моей главной задачей было скрыть, что за этой логикой бьётся предательское, живое сердце, которое он никогда, никогда не должен был услышать.

Глава 2. Роль

Я начала анализ. Откинувшись на спинку дивана, с планшетом на коленях, я старалась полностью погрузиться в холодную воду данных. Это был спасительный побег — от его взгляда, от своих мыслей, от этой метки, тихо пульсирующей внутри. Я щёлкала по фотографиям, закрывала глаза, пытаюсь заново вызвать в памяти те ощущения: холод, тягучесть, злобную пустоту. И описывала вслух. Сухо, технично, как отчёт о погоде.

— Точка 7-Б. Ощущение статического заряда, «мурашки», но с привкусом горечи. Как пережжённая проводка.
— Точка 12-Г. Не холод, а... выхолаживание. Будто пространство высасывает тепло. Длительное послевкусие.

Он сидел напротив, в своём кресле, но не смотрел в свой ноутбук. Он смотрел на меня. Его взгляд был пристальным, почти физическим давлением. Он не перебивал, лишь изредка делал короткие пометки в блокноте, но я чувствовала, как он ловит каждое слово, каждую микроскопическую паузу, каждый неуверенный вздох. Он анализировал не только данные, но и меня — мой тон, мою позу, скорость реакции. Проверял мою новую «разумную» маску на прочность.

Работа шла часами. В комнате царила тишина, нарушаемая только моим монотонным голосом и скрипом его пера по бумаге. Это было мучительно и в то же время... странно

успокаивающе. Здесь, в этом безличном процессе, не было места для «меток» и «навсегда». Была только задача.

И где-то к середине дня мы нашли её. Зацепку.

Я остановилась на точке, которая изначально казалась одной из самых слабых — заброшенный дренажный коллектор на самой окраине города. На фотографии — лишь ржавая решётка и лужа тусклой воды. Но ощущение от неё было... странным. Не сильным, но *повторяющимся*. Как эхо. И не злым, а... усталым. Старым.

— Здесь, — сказала я, открыв глаза. — Он бывал тут не один раз. Ощущение... наложенное. Как старая краска. И... — я нахмурилась, пытаюсь поймать ускользающий нюанс, — не просто бывал. Он тут что-то *оставлял*. Не предмет. Часть... внимания. Как якорь.

Велиал замер. Его перо остановилось. Он медленно поднял на меня взгляд.
— Повтори.

Я описала ещё раз, стараясь быть точнее. Он слушал, не двигаясь, и по его лицу я видела, как срабатывает его ум — быстрее и острее любого компьютера. Он отложил блокнот, подошёл к стене, где висела большая физическая карта города, испещрённая его пометками. Взял красный маркер.

— Точка 7-Б, — он поставил крестик. — Точка 12-Г. — Ещё один. — Дренажный коллектор «Тусклая вода». — Он обвёл его не крестом, а кругом. Потом начал быстро чертить линии, соединяя точки, строя геометрические фигуры.

— Он не просто перемещается случайно, — заговорил он,

голос низкий и быстрый, полный азарта охотника, напавшего на след. — Он выстраивает сеть. Треугольники. Пентагоны. Точки с сильным откликом — узлы. Слабые, как твоя «усталая» — точки... перезарядки? Стабилизации? — Он ударил кулаком по карте рядом с кружком коллектора. — И это место... он возвращается сюда чаще всего. Оно самое... «намоленное». Значит, оно центральное. Значит, оно либо самое безопасное для него, либо самое важное.

Он обернулся ко мне, и в его глазах горел чистый, нефильтрованный огонь — не страсти, а интеллектуального триумфа.
— Ты уверена в этом «ощущении якоря»?

Я кивнула, уже не сомневаясь. Да, это было оно. Место, к которому что-то привязано.
— Тогда собирайся, — сказал он, уже срываясь с места. — Мы едем. Сейчас. Пока след не остыл. Это может быть его логово. Или его лаборатория. Или чёрт знает что. Но это — его слабое место.

Он стремительно собирал вещи, его движения были резкими, точными. Но, проходя мимо, он на секунду остановился, положил руку мне на плечо. Взгляд его был всё таким же острым, но в нём теперь читалось что-то вроде... признания.
— Хорошая работа, «переменная». Очень хорошая.

И он умчался в спальню за снаряжением, оставив меня сидеть с планшетом и с новым, смешанным чувством. Страх от предстоящей вылазки в самое логово врага. И это дурацкое, согревающее пятно на душе от его «хорошая работа». Потому что это было честно. Это было за дело. И в этот миг, в по-

гоне за общим врагом, наша странная, уродливая связь наконец-то обрела какой-то... почти что смысл. Опасный, страшный, но *наш* смысл.

Я пошла переодеваться, на автомате натягивая чёрные лосины и простую майку. Мозг уже работал на опережение, прокручивая карту, то «усталое» ощущение, строя догадки о том, что мы можем найти в том коллекторе. Я накинула объёмное серое худи, пытаюсь заглушить внутреннюю дрожь не от страха, а от этого странного возбуждения охотника, которое передалось и мне.

Я повернулась, чтобы выйти из гардеробной, и наткнулась на него. Он стоял в дверях, уже одетый в свою чёрную тактическую экипировку, и его взгляд был таким же острым и сосредоточенным, как во время анализа карты. Прежде чем я успела что-то сказать, он шагнул вперёд, и его руки обхватили меня. Не грубо, но властно, прижимая к своей груди так, что я почувствовала твёрдые мышцы под тканью.

Он наклонился, и его губы почти коснулись моего уха.
— Помни, чья ты, — прошептал он. Голос был низким, нежным в своей беспощадности. Это был не вопрос. Не напоминание. Это была констатация истины, которую он вбивал в меня перед самым опасным выходом.

И что-то во мне, та самая, не сломленная до конца часть, взбунтовалась. Возможно, от усталости, от постоянного давления, от этой абсурдной ситуации, когда перед лицом реальной опасности первое, что он делает — метит террито-

рию.

Я не вырвалась. Но голос мой прозвучал сухо и резко, с той самой «кислой» ноткой, которую он, казалось, уже принял как данность: — Как уж тут забыть, когда напоминают по несколько раз на дню.

Он на секунду замер. Потом я почувствовала, как его грудь подо мной слегка вздрогнула. От смешка. Тихий, сдержанный звук прямо у моего виска. — Вот и хорошо, — произнёс он, и в его голосе слышалось тёмное, довольное удовлетворение. Он отпустил меня, отступив на шаг, но его взгляд всё ещё держал меня на месте. — Держи это в голове. Особенно там, внизу. Это может быть единственной твоей защитой, если всё пойдёт не по плану. — Он развернулся и пошёл к выходу, бросив через плечо: — Идём. Нам нужно успеть до сумерек.

Я стояла ещё секунду, чувствуя, как на щеках горит жар от его близости и от собственной дерзости. «Вот и хорошо». Он принял мой сарказм. Более того, ему, кажется, это понравилось. Как часть моего «осложняющего» поведения. Как доказательство, что я не сломалась окончательно, а просто нашла новый способ существовать в его правилах. Я выдохнула и последовала за ним, поправляя худи. Страх перед коллектором никуда не делся. Но теперь он был приправлен горьким пониманием, что даже в самой гуще опасности, рядом с ним, мне придётся играть эту игру. Играть хорошо. Чтобы выжить. И чтобы он... чтобы он никогда не догадался, что за

сарказмом и показной строптивостью скрывается нечто гораздо более опасное для меня самой, чем любое демоническое логово.

Глава 3. Ну и денек

Подъезд к коллектору был мрачным, даже для промзоны. Велиал заглушил двигатель, и мы вышли в гнетущую тишину, нарушаемую лишь ветром, гулявшим среди ржавых конструкций. Решётка поддавалась его усилиям с тихим скрежежом, обнажив чёрный провал, откуда тянуло запахом стоячей воды и чего-то... острого, как статическое электричество на языке. Спуск был долгим. Фонари выхватывали из темноты покрытые слизью стены, обвалившиеся кирпичные своды. И чем глубже, тем сильнее становилось то самое «усталое» ощущение — не угроза, а древняя, вросшая в камень унылость. Но под ней — тонкий, холодный слой интеллекта. Шаккал знал, что мы здесь.

Тоннель неожиданно вывел не в очередную трубу, а в просторное подземелье, явно расширенное магией. Воздух здесь был сухим и холодным, пахло пылью, пергаментом и озоном. Стеллажи, груды свитков, странные аппараты, тихо вибрирующие тёмным светом... Это была не лаборатория. Это был архив. И в его центре, у стола, заваленного чертежами, стоял он. Архивариус Шаккал.

Он был невысок, одет в простые, поношенные одежды писца. Его лицо было бледным и худым, с глубокими морщинами вокруг глаз — глаз, в которых плавала нечеловеческая, ледяная глубина векового знания. Он поднял голову, и его взгляд, лишённый всякого удивле-

ния, скользнул сначала по Велиалу, а затем прилип ко мне. В нём не было ненависти. Был холодный, неуголимый интерес.

— Велиал, — произнёс Шаккал. Голос его был сухим и тихим, но разносился по зале с невероятной чёткостью. — Предсказуемо. Я просчитал твой маршрут с погрешностью в двести метров. — Он сделал крошечную паузу, и его тон стал почти что благодарным. — И ты привёл её. Спасибо. Моя коллекция не полная без такого... чистого образца.

Велиал не стал тратить время на разговоры. Воздух вокруг него задрожал, и я увидела, как ткань на его спине рвётся под напором вырывающихся наружу мощных, кожистых крыльев цвета воронёной стали. Рога, чёрные и острые, выросли из лба, хвост с шипом разорвал брюки. Он не просто принял вторую ипостась — он обнажил её, весь его облик кричал о древней, нечеловеческой ярости. Он метнулся вперёд, как чёрная молния. Но Шаккал был готов. Он не отступил. Он лишь щёлкнул пальцами, и из теней за стеллажами материализовались двое.

Первый был гигантом. Его кожа напоминала потрескавшуюся базальтовую скалу, сквозь трещины светилось багровое пламя. На его мощных плечах сидели три пары коротких, толстых рогов. Князь Грубой Силы, Раскат.

Второй казался почти бесплотным — его контуры дрожали, как мираж, а лицо постоянно менялось, отражая мимолётные страхи и желания смотрящего. Маркиз Зеркальных Кошмаров, Эйдос. Велиал врезался в них, и зал взорвался хаосом. Он дрался

с яростью загнанного зверя — крылья рубили, как топоры, хвост хлестал, выбивая из рук Эйдоса призрачные кинжалы. Он парировал сокрушительные удары Раската, от которых дрожали стены. А Шаккал стоял в стороне, его пальцы летали над свитками, и оттуда вырывались сгустки сизого, ледяного света, которые не горели, а замедляли всё, к чему прикасались — воздух, движение, саму мысль.

Я прижалась к холодной стене, сердце колотилось так, что, казалось, его слышно. Это было не то. Не гибриды, не стражи. Это были силы, с которыми даже Велиал... Я видела, как ледяной луч Шаккала оцарапал его крыло, и с него посыпалась чёрная пыль, как пепел. Видела, как призрачный клинок Эйдоса пронзил тень у его ноги, и Велиал вздрогнул от боли. И тогда Раскат, воспользовавшись тем, что Велиал парировал очередную ледяную иглу, вогнал свой кулак, обёрнутый пламенем, ему в бок.

Раздался звук — не крик, а низкий, сдавленный рёв ярости и боли. По тёмной коже Велиала, в месте удара, расползлась трещина, и из неё хлынула густая, чёрная, как жидкий обсидиан, кровь. И что-то во мне... сломалось. Не страх. Не расчёт. Что-то глубже. я испугалась за него..предательское сердце дрогнуло так сильно ..я не отдавая отчет отпустила силу не отрывно смотря на битву.. Просто шагнула вперёд, между сражающимися титанами. Всё внутри горело — не силой, а чем-то иным. Отчаянием? Нет. Защитой. Глупой, безнадёжной защитой того, кто, даже истекая чёрной кровью, оставался моей единственной

точкой отсчёта в этом кошмаре. Я не кричала. Просто посмотрела на Эйдоса и Раската, которые уже поворачивались ко мне, увидев лёгкую добычу. И выпустила из себя всё. Это не была вспышка. Это был луч. Узкий, ослепительно-белый, горячий не огнём, а какой-то чистой, невыносимой для тьмы энергией. Он ударил им прямо в лица. Не ослепил. Он выжег. Выжег те самые глаза, что смотрели на меня с холодным интересом или тупой яростью.

Звук, который издали оба демона, был нечеловеческим. Раскат рухнул на колени, схватившись руками за своё пылающее лицо, из-под пальцев лился не кровь, а что-то вроде расплавленного камня. Эйдос забился в тихом, шипящем припадке, его миражное тело корчилось, пытаясь отвергнуть боль, которая была для него слишком реальной. На мгновение воцарилась шоковая тишина. Шаккал замер, его ледяное спокойствие наконец дало трещину..

— Ну ничего себе, — прошептал Шаккал, и его голос впервые зазвенел настоящими эмоциями. — Велиал, да ты... раскрыл её. Это не просто чувствительность. Это... чистое излучение. Противоположность. Интересно...

Его пальцы снова запорхали над свитками, уже с новой, лихорадочной скоростью. Он собирался не убивать. Он собирался *изучать*. А Велиал... Велиал стоял, согнувшись, прижимая ладонь к сочащейся чёрной ране. Его демонические черты были искажены болью, но взгляд, который он бросил на меня, был острым, как бритва. В нём читалось не

благодарность. Было что-то более сложное — ярость, что я связалась, шок от силы удара, и... какое-то стремительное, жёсткое понимание.

Но времени на разбор не было. Шаккал уже поднимал руку, и воздух наполнился гулом набирающей мощь магии — не для убийства, а для пленения, для сковывания.

И тогда я поняла. Мы не выиграем здесь. Сил на второй такой удар у меня не было — я уже чувствовала, как мир плывёт перед глазами, а ноги стали ватными. Но я могла сделать одно. Последнее. Я не думала о точности, о безопасности. Я думала об одном месте. О месте, где пахло им, кофе и чистотой. О месте, которое, как ни парадоксально, стало за эти кошмарные недели единственным убежищем.

Я рванулась вперёд, не к выходу, а *к нему*. К Велиалу. Собрав последние крохи сил, не для атаки, а для... создания. Я упала перед ним на колени, буквально втиснувшись между ним и направлением взгляда Шаккала, и ухватила рукой за его ногу. Другую руку я выбросила за его спину, представляя не тоннель, не улицу, а *ту самую спальню*.

Воздух за его спиной завихрился и порвался с тихим, влажным звуком, будто лопнул мыльный пузырь. Открылся не стабильный портал, а нечто вроде дыры в реальности, края которой дёргались и искрились. Но за ним мелькнуло знакомое — край кровати, цвет стен.

— Двигай! — прохрипела я, уже почти не владея голосом, и изо всех сил толкнула его в эту дыру.

Он, опираясь на меня, потерял равновесие и рухнул в разрыв в пространстве. Я почувствовала, как его вес тащит меня за собой. Последнее, что я увидела в подземелье, — это лицо Шаккала, искажённое внезапной яростью от того, что добыча ускользает, и его руку, выбрасывающую в нас сгусток замедленного времени.

Потом мир перевернулся, закрутился в водовороте боли и диссонанса, и я ввалилась во что-то мягкое и тёмное, ударившись плечом о что-то твёрдое. Портал захлопнулся у меня за спиной с глухим хлопком, отрезав ледяное дыхание архивариуса.

Тишина. Абсолютная, оглушающая. Пахло... им. Дымом, дорогим мылом, *домом*.

Я лежала на ковре в его спальне, раскинувшись, как тряпичная кукла. Ни единой мысли в голове, ни грамма сил в теле. Только дикая, рвущаяся из груди отдышка и стук сердца в висках. Где-то рядом слышалось тяжёлое, прерывистое дыхание.

Медленно, преодолевая слабость, я повернула голову. Веллиал лежал в полуметре от меня, на боку, всё ещё в своей второй ипостаси, но черты уже начинали размываться, рога и крылья медленно втягивались. Его рука всё ещё была прижата к ране на боку, сквозь пальцы сочилась та самая чёрная кровь, теперь капающая на бежевый ковёр. Он смотрел в потолок, его грудь тяжело вздымалась.

Потом он медленно, будто через невероятную боль, по-

вернул голову ко мне. Его глаза, уже почти снова обычные, аметистовые, но потускневшие от потери сил, нашли мои.
Он не сказал «спасибо». Не спросил «как». Он просто смотрел. И в его взгляде не было уже той аналитической остроты. Была усталость. И что-то ещё... Что-то тяжёлое и невысказанное.

Я попыталась что-то сказать, но из горла вырвался лишь хриплый звук. Силы покинули меня окончательно. Сознание поплыло, края зрения потемнели.

Последним, что я услышала, прежде чем провалиться в небытие, был его голос. Тихий, хриплый, но на удивление... спокойный.

— Чёрт... — прошептал он больше себе, чем мне. И через мгновение добавил, уже почти не слышно: — Ну и денёк...

А потом наступила тишина. Но даже в ней, в глубине отключившегося разума, теплилась одна, смутная мысль: *Он жив. Зато он жив.* И почему-то этого было достаточно, чтобы отпустить контроль и погрузиться во тьму.

Глава 4. Хорошее настроение

Я проснулась медленно, сознание возвращалось тягуче, как будто из очень глубокой, тёмной воды. Первое, что я почувствовала — тепло. И тяжесть. Тяжёлое, тёплое тело, принимающее меня к себе сзади. Его тело. Его рука лежала у меня на талии, а другая... другая была снова в моих волосах. Пальцы медленно, сонно перебирали пряди, как будто даже во сне он не мог не касаться, не подтверждать владение.

Привычно. Ужасающе привычно. Это начало дня стало новой нормой, и от этого осознания внутри всё похолодело, даже в его тепле.

— Рита... — его голос прозвучал прямо у уха, низкий, с утренней хрипотцей, но совершенно бодрый. — Проснулась?

— Ммм... — пробормотала я в ответ, ещё не полностью придя в себя, уткнувшись лицом в подушку.

И тут память ударила, как обухом. Картинки вспыхнули ярко и болезненно: подземелье, ледяной свет Шаккала, демоны, ЧЁРНАЯ КРОВЬ, хлынувшая из его бока, когда в него вогнали тот пылающий кулак...

«Он ранен. Тяжело ранен.»

Адреналин вколотился в сонную кровь с такой силой, что я дёрнулась всем телом. Я резко вырвалась из его объятий, перекатилась на спину и села на кровати, глаза дико забегали

по его торсу, ища рану, кровь, следы вчерашнего кошмара.
— Где?.. Покажи! — голос мой сорвался на визгливый шёпот.

Он лежал, подперев голову рукой, и смотрел на мою панику с... улыбкой. Не насмешливой. Спокойной. Почти что... мягкой. Утренний свет из окна падал на его обнажённый торс — ровный, мощный, с идеальной кожей, без единого шрама. Там, где вчера зияла трещина и сочилась чёрная смола, теперь была лишь гладкая, слегка розоватая, будто только что зажившая, кожа.

— Уже затянулось, — сказал он просто, как будто сообщал, что кофе готов.

Я замерла, всё ещё сидя, с сердцем, выскакивающим из груди, и уставилась на это место. Не могло быть. Такая рана... чёрная кровь...

— Но... как? — выдавила я.
— Демон, златовласка, — он пожал плечами, и его улыбка стала чуть шире, в ней появились знакомые хищные искорки. — Регенерация. Особенно после... хорошей подпитки.

Он произнёс это с намёком, и его взгляд на мгновение скользнул по моим волосам. Они, наверное, снова сияли. Потом он поднял на меня глаза, и в них промелькнуло что-то более серьёзное.
— А вот портал... это новое. И очень, очень рискованное. Ты могла разорвать нас обоих на атомы, открывая дыру в реальности на таком расстоянии, да ещё и в таком состоянии.

Он сказал это не как упрёк. Скорее, как констатацию факта, который его... впечатлил.

— Но, — он продолжил, медленно садясь на кровати рядом со мной, его близость снова стала ощутимой, — это сработало. Ты вытащила нас обоих из ловушки. И ослепила двух княжеских демонов. — Он наклонился ко мне, и его взгляд стал пристальным, тем самым аналитическим, от которого по спине побежали мурашки. — Сила, которая на это способна... она не просто «чувствует». Она *действует*. И действует избирательно. Почему, Рита?

Последний вопрос повис в воздухе. Он смотрел на меня, и в его глазах не было гнева. Было ненасытное любопытство учёного, нашедшего самый интересный образец в своей коллекции. И в этом вопросе таилась самая большая опасность из всех вчерашних. Потому что он спрашивал не «как». Он спрашивал «почему». А ответ на «почему» мог привести его прямоком к тому, что я так отчаянно пыталась скрыть.

Я резко отвернулась от его пронзительного взгляда, чувствуя, как жар поднимается к щекам. Его вопрос висел в воздухе, слишком опасный, слишком прямой. Нужно было отвлечь. Защититься. Спрятаться за что-то простое и понятное.

Я потянулась к краю кровати, схватила свалившийся там его халат — тёмно-синий, из мягчайшего кашемира, до сих пор пахнувший им — и натянула его на себя, оборачиваясь в этот бархатный кокон, как в доспехи. Движения были рез-

кими, почти грубыми.

— Инстинкт самосохранения! — буркнула я в ткань у своего плеча, избегая смотреть на него. Голос прозвучал глухо, но с той самой, знакомой ему ноткой раздражённого отпора. — Ты был ранен. Там были ещё двое, а третий готовил какую-то пакость. Логичный вывод — нужно было свалить. А поскольку ты, видимо, собирался там истечь чёрной смолой до конца, пришлось принимать решение за нас обоих.

Я наконец подняла на него взгляд, стараясь придать лицу выражение скорее досады, чем паники. В его глазах всё ещё светился тот же аналитический огонёк, но теперь он был приправлен... лёгкой усмешкой. Он не купился. Но ему, кажется, было интересно, как я буду выкручиваться.

— Инстинкт самосохранения, — повторил он медленно, растягивая слова. Он откинулся на подушки, сложив руки за головой, и его взгляд скользнул по мне с ног до головы, облачённой в его халат. — Любопытно. Обычно инстинкт самосохранения велит бросить раненого и спастись в одиночку. Особенно если этот раненый — твой... как там? Тюремщик? Эксплуататор? — Он произнёс это с такой ядовитой сладостью, что мне захотелось швырнуть в него подушку. — А ты не только не бросила. Ты вступила в бой. Очень эффективно, кстати. А потом, вместо того чтобы открыть портал от опасности, открыла его ... сюда. Ко мне домой. В мою постель. — Он наклонился вперёд, и его голос стал тише, но от этого ещё весомее. — Какой-то у тебя странный инстинкт,

златовласка. Очень... избирательный.

Он снова откинулся, его лицо стало непроницаемым, но в уголках губ играла опасная усмешка. — Но ладно. Примем эту версию. Пока что. — Он встал с кровати, его обнажённое тело на миг предстало передо мной во всей своей мощной, демонической красоте, прежде чем он натянул штаны. — Вставай. Завтракать. А потом... — он обернулся ко мне, и в его глазах снова вспыхнул тот же огонёк охотника, что был в подземелье, но теперь он был направлен не на Шаккала, а на меня, — потом будем разбираться с этим твоим «инстинктом». И с тем, как ты открыла портал. И с тем, почему твоя сила, судя по всему, растёт пропорционально... интенсивности ситуации. Очень интересные данные для анализа.

Он вышел из спальни, оставив меня сидеть в его халате, с комом страха в горле и с пониманием, что отговорка не сработала. Он не поверил. Он просто отложил разбор полётов на потом. А «потом» обещало быть куда страшнее любой битвы с демонами, потому что на кону будет уже не жизнь, а последние остатки моей тайны. И моего рассудка.

Я вышла на кухню, волоча за собой полы его огромного халата. Воздух пах кофе, свежей выпечкой и... нормальностью. На столе уже стояли две тарелки с омлетом, тосты, фрукты. Всё выглядело ужасающе мирно после вчерашнего ада. Он стоял у кофемашины, разливая по чашкам. Уже одетый в простые чёрные брюки и футболку, он казался почти

обычным человеком, если не считать того тяжёлого, оценивающего взгляда, которым он меня встретил.

— Садись, садись, инстинктивная ты моя, — произнёс он, и в его голосе звенела откровенная, ядовитая насмешка. Он кивнул на мой стул, поставив передо мной чашку кофе.

Я молча села, уставившись в тарелку. «Инстинктивная». Он играл словами, как кошка с мышкой. Показывал, что моя отговорка его не убедила, но решил пока не давить. Играть.

— Спасибо, — пробормотала я автоматически, беря вилку.
— Не за что, — ответил он, садясь напротив. Он отпил кофе, не спуская с меня глаз. — Ну что, восстановилась после вчерашних... героических усилий?

— Да, — коротко бросила я, накалывая кусочек омлета. Он был идеальным, но на вкус — как пыль.
— Отлично. Потому что работа не ждёт. — Он отложил чашку. — Шаккал теперь знает о тебе больше, чем хотелось бы. И он явно не оставит попыток. Его архив, судя по обрывкам, что я успел заметить, — кладезь информации о ходячих. И о тебе в частности. Нам нужно опередить его. Значит, сегодня начинаем усиленные тренировки.

— Тренировки? — я невольно подняла на него глаза.
— Контроля, — уточнил он, и его взгляд стал острым, как скальпель. — Над тем самым «инстинктом». Ты действуешь на эмоциях, Рита. Мощно, но при большей опасности неэффективно и опасно для тебя. Ты выложились в одну атаку и чуть не умерла, открывая портал. Нужно научиться направ-

лять эту силу. Дозировать. Контролировать. Чтобы в следующий раз ты могла не просто ослепить двоих, а, скажем, обездвигнуть троих и сохранить силы для отступления. Или открыть портал, не теряя сознания.

Он говорил деловито, как тренер, составляющий план. Но за каждым словом я слышала подтекст: *«Я хочу знать, как это работает. Я хочу это использовать. И для этого мне нужно понять, что именно в тебе включается в критический момент»*.

— Я... не знаю, как это контролировать, — честно призналась я, глядя в свою тарелку. — Это просто... случается.
— Значит, будем провоцировать «случаи», — парировал он легко. — В безопасных условиях. И наблюдать. Замерять. Анализировать.

От этих слов по спине пробежал холодок. «Провоцировать». «Наблюдать». Я снова стану подопытным кроликом в его лаборатории. Только теперь объектом изучения будет не просто моя чувствительность к аномалиям, а самая сокровенная, самая опасная часть меня.

— Ты будешь учиться вызывать эту силу не только в моменты смертельной опасности, — продолжал он, и в его голосе появились нотки того же тёмного любопытства, что было в подземелье. — Но и в других состояниях. Страх, гнев, концентрация... — он сделал паузу, и его взгляд стал пронзительным, будто пытаясь заглянуть мне прямо в душу, — ... другие, более сложные эмоции.

Я сглотнула, чувствуя, как под его взглядом краснею. Он догадывался. Не точно, но догадывался, что источник — не просто адреналин. — И первое упражнение, — заключил он, отодвигая тарелку, — начинается после завтрака. Будем учиться фокусировать этот «инстинкт» на простом объекте. Без драк и демонов. Чистая психическая работа. — Он встал, взял свою чашку и направился к посудомойке, бросив через плечо: — Доедай. Тебе понадобятся силы. Чтобы не разорваться изнутри от собственных же эмоций, инстинктивная.

Я сидела, сжимая вилку в побелевших пальцах, и смотрела на его спину. Он не просто планировал тренировки. Он строил ловушку. Ловушку, в которую я должна была добровольно зайти, чтобы «учиться». А на самом деле — чтобы он мог разобрать по винтикам мою душу и найти тот самый спусковой крючок. И самым страшным было то, что у меня не было выбора. Отказаться — значило бы выглядеть ещё более подозрительно. Согласиться — значит рисковать всем. Но иного пути не было. Приходилось играть и надеяться, что в этой новой, страшной игре я смогу скрыть главный приз — своё предательское сердце.

Мысль пронеслась в голове быстрой, ядовитой змейкой. *Ха, интересно. Как он будет пытаться «стимулировать» страх? Заклюёт? А за него?..* От этой абсурдной картинки — Велиал, пытающийся искусственно напугать меня за самого себя — в горле невольно вырвался короткий, сдав-

ленный звук. Нечто среднее между хихиканьем и нервным всхлипом.

Звук был тихим, но в гробовой тишине кухни, нарушаемой лишь его шагами, он прозвучал как выстрел.

Он замер. Медленно, очень медленно обернулся. Его лицо было каменным, но в аметистовых глазах вспыхнул острый, мгновенный интерес, сменивший легкую насмешку.

— Ты что-то знаешь о всплесках сил, — произнёс он. Это был не вопрос. Это было заявление. Его голос стал низким, плоским, лишённым всякой игры. Он сделал шаг ко мне. — Что это было, Рита?

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Глупость. Идиотская, детская глупость.
 — Нет, — выдавила я, слишком быстро, слишком резко. — Просто... просто смешок вырвался. Громче, чем хотелось. От нервов.

Он остановился прямо передо мной, нависая над столом. Его взгляд сканировал моё лицо, ища малейшую трещину.
 — «От нервов», — повторил он, и в его голосе снова зазвучала та самая, ядовитая усмешка, но теперь она была тоньше, опаснее. — Каких именно нервов? Нервы от предстоящей тренировки? Или... — он наклонился чуть ближе, и его шёпот стал бархатным и обжигающим, — ...нервы от того, что я сейчас попытаюсь выяснить, что именно тебя так *развеселило*? Что ты знаешь о природе своей силы такое, чего не знаю я?

Он выпрямился, скрестив руки на груди.
 — Видишь

ли, в науке, даже в нашей, демонической, случайных смешков не бывает. Они — индикатор. Индикатор скрытого знания, или... скрытой уверенности. Так в чём ты, собственно, уверена, златовласка?

Я сидела, словно пригвождённая к стулу, чувствуя, как под его взглядом рушится хлипкое здание моего спокойствия. Один неловкий звук — и он уже напал на след. На след моей самой большой тайны. И теперь «тренировка» обещала быть не просто изучением силы, а настоящим допросом с пристрастием. И я даже не знала, смогу ли солгать достаточно убедительно, чтобы обмануть этого древнего, всё видящего хищника.

— У меня настроение хорошее, — ответила я, пытаюсь придать голосу лёгкость, но в конце фразы голос предательски дрогнул, и я снова прикусила губу, чувствуя, как по щекам разливается краска. Я сосредоточилась на кружке с кофе, стараясь не смотреть на него.

Но мысль... мысль была настолько абсурдной и в то же время точной! Этот ледяной, всё контролирующий демон, пытающийся искусственно создать ситуацию, где я буду... чего? Дрожать за него? Паниковать? Эта картина была одновременно жуткой и до смешного нелепой. И от неё в груди снова заклокотал тот самый предательский, нервный смешок. Он вырвался наружу — короткий, звонкий, совсем уже не сдержанный, — в тот самый момент, когда я подняла чашку ко рту.

Я замерла, чувствуя, как звук повис в воздухе, как обви-

нение. Кофе в чашке задрожало.

Из-за стола не последовало ни звука. Тишина стала густой, как смола. Медленно, преодолевая сопротивление каждого мускула, я подняла глаза.

Он сидел, откинувшись на спинку стула. Кофе перед ним стоял нетронутым. Его лицо было абсолютно неподвижным, но в аметистовых глазах бушевала настоящая буря. Никакой насмешки. Никакого любопытства. Было нечто гораздо более острое и опасное — чистая, холодная ярость от того, что его не понимают. Или, что хуже, понимают слишком хорошо и смеются над этим.

Он медленно поднялся. Не резко. Каждое движение было выверенным, смертельно опасным. Он обошёл стол и остановился прямо передо мной. Его тень накрыла меня целиком.

— Так, — произнёс он тихо. Одно слово. Оно прозвучало тише шепота, но в нём было столько угрозы, что у меня перехватило дыхание. — У тебя хорошее настроение. Отличное. И что-то... невероятно смешное. — Он наклонился, опершись руками о подлокотники моего кресла, зажав меня в ловушке из своего тела и мебели. Его лицо оказалось в сантиметрах от моего. — Поделись. Пожалуйста. Я тоже хочу посмеяться. Что такого уморительного ты увидела, глядя на меня?

Я откинулась назад, насколько позволяло кресло, пытаюсь увеличить расстояние. Сердце колотилось где-то в гор-

ле.
 — Ничего... Я просто...
 — Не «просто», — перебил он. Его голос оставался тихим, но в нём появилась металлическая нотка. — Ты хихикаешь. Второй раз. Над чем, Рита? Над моими планами по «стимуляции»? Над тем, что я не смогу? Или, — его взгляд стал пронзительным, будто он пытался выцепить ответ прямо из моего мозга, — над чем-то ещё? Над тем, что ты считаешь себя умнее? Что ты знаешь какую-то... шутку, в которой я — главный персонаж?

Он выпрямился, но не отошёл. Смотрел сверху вниз, и в его позе читалась непоколебимая власть, слегка подпорченная раздражением от этого непонятного ему веселья.
 — Знаешь что? Забудь про завтрак. Тренировка начинается сейчас. И первое упражнение — не фокусировка. Первое упражнение — объяснение. Объясни мне, что именно показалось тебе таким смешным. Словами. А если не сможешь... — он сделал паузу, и на его губах дрогнуло что-то, отдалённо напоминающее улыбку, но без капли тепла, — ...я найду способ вытащить это из тебя. И поверь, твоё «хорошее настроение» после этого сильно поболеет.

Он отступил на шаг, дав мне пространство, но его взгляд по-прежнему был прикован ко мне, ожидая ответа. А я сидела, чувствуя, как лёгкость и смех уступают место знакомому, леденящему страху. Я сама, своим дурацким хихиканьем, загнала себя в угол. И теперь мне предстояло либо выдумать правдоподобную ложь, либо... признаться в том, что смеюсь над его неспособностью понять мои чувства. А это

было равносильно самоубийству.

Глава 5. Тренировка

— Велиал! — выпалила я, спеша перебить поток его угроз, пока он не успел придумать что-то по-настоящему ужасное. Мозг лихорадочно искал выход, и нашёл самый простой, самый детский, но, возможно, единственно работающий в данной ситуации. — Я просто... предвкушаю тренировку!

Слова прозвучали слишком громко, слишком неестественно восторженно в наэлектризованной тишине. Я выдержала его взгляд, пытаюсь изобразить на лице что-то вроде азартного ожидания, но чувствовала, как щёки горят.

Он замер. Одна из его бровей медленно поползла вверх. Всё его существо излучало скептицизм, смешанный с раздражённым любопытством.
— Предвкушаешь, — повторил он плоским тоном. — Тренировку. Которая, по моим планам, должна была быть изнурительной, потенциально болезненной и направленной на вскрытие твоих самых защищённых психических механизмов. И это... веселит тебя.

Это было не вопрос. Это была констатация полнейшего абсурда, но он ждал продолжения. Ждал, куда я поведу эту нелепую ложь.

— Ну да! — я сделала ещё одну попытку, разводя руками в театральном жесте, который, наверное, выглядел жалко. — Новые горизонты! Раскрытие потенциала! Это же...

интересно!

Он смотрел на меня ещё несколько секунд, его лицо оставалось каменным. Потом он медленно, очень медленно, протёр ладонью лицо, от подбородка ко лбу. Жест был непривычно усталым, почти... человеческим. Когда он убрал руку, в его глазах уже не было ярости. Было нечто вроде глубокого, искреннего недоумения, смешанного с брезгливым раздражением.

— Рита, — произнёс он наконец, и в его голосе прозвучала неподдельная усталость от всей этой ситуации, от меня, от моего «хорошего настроения» и дурацких оправданий. — Я сейчас похож на дурака?

Вопрос был задан так просто, так прямо, что у меня отвисла челюсть. Я не ожидала такого. Не ожидала, что он спросит вот так, почти что... с уязвимостью в голосе.

— Ты... что? — пробормотала я.
— Ты слышала, — он нетерпеливо махнул рукой. — Твоё поведение, эта... истерическая весёлость, эти нелепые объяснения про «предвкушение»... Ты пытаешься меня одурачить? Сыграть в какую-то свою, непонятную мне, идиотскую игру? Потому что если да, то поверь, я не тот, с кем стоит играть в дурака.

Он подошёл ближе, но уже без той агрессивной энергии. Его взгляд был тяжёлым, устало-аналитическим.
— Я предлагаю тебе сложную, опасную работу по изучению твоей же силы. Ты в ответ хихикаешь, как сумасшедшая, и несёшь околесицу. Так кто из нас здесь неадекватен? Кто из нас ве-

дёт себя как дурак?

Он ждал ответа. И в этом ожидании, в этой его внезапной, рациональной обиде (да, это было похоже на обиду!), была новая, совершенно незнакомая ловушка. Расколоться сейчас, признаться, что я смеялась над мыслью, что он не сможет «простимулировать» мою любовь к нему — значило подписать себе смертный приговор. Продолжать врать про «предвкушение» — значило окончательно утвердить его в мысли, что я либо сошла с ума, либо считаю его полным идиотом.

Я стояла, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Его прямой вопрос, его почти что человеческое раздражение, сбили меня с толку сильнее любой угрозы. И единственное, что оставалось — это отступить. Быстро и без достоинства.

— Извини, — прошептала я, опуская глаза. — Это... это правда нервы. После вчерашнего. Не контролирую. Не обращаю внимания.

Я сказала это тихо, искренне смущённо, и, кажется, в этот раз это прозвучало правдоподобно. Потому что это и была правда — пусть и не вся.

Он вздохнул. Длинно и тяжело. Звук был полон разочарования.
— Ладно. — Он отступил, снова взяв свою чашку с кофе, который уже наверняка остыл. — Забудь. Просто... соберись. Тренировка через полчаса в спортзале. Без хихиканья. Без «предвкушения». Чистая работа. Поняла?

— Поняла, — кивнула я, всё ещё глядя в пол.

Он вышел из кухни, оставив меня одну с холодным завтраком и с новым, странным чувством. Я только что видела, как он, Велиал, князь тьмы, на секунду выглядел... почти обычным человеком, которого достала капризная и непонятная женщина.

Я переделалась в спортивное — в чёрные шорты и простую серую майку. Всё просто, удобно, без намёков. Я вышла из спальни, стараясь выглядеть собранной и деловой.

— Я готова.

Он стоял посреди гостиной, уже в тренировочных брюках и футболке, и его взгляд, вместо того чтобы оценить мою готовность к работе, медленно, очень медленно, скользнул по мне. С ног до головы. Он задержался на майке, где мой четвёртый размер груди выпирал довольно отчётливо под тонкой тканью, потом спустился к коротким, обтягивающим шортам, подчёркивающим бёдра. В его аметистовых глазах не было привычного аналитического огонька. Там вспыхнуло нечто гораздо более знакомое и опасное — плотоядный, одобряющий интерес.

Уголки его губ поползли вверх в той самой, хищной, самодовольной ухмылке.
— Готова к чему? — переспросил он, делая шаг вперёд. Голос его стал низким, бархатым, с лёгкой хрипотцой. — К сексу? Ну наконец-то, здравый смысл победил. Пошли.

Он протянул руку, не чтобы вести, а чтобы схватить меня за талию и притянуть к себе. В его движениях не было ничего

от «тренера». Была уверенность собственника, получившего то, чего он ждал.

Я отпрыгнула назад, как ошпаренная, чувствуя, как жар стыда и ярости заливает лицо.
 — Я готова к *тренировке*! — выпалила я, ткнув пальцем в сторону, где, как я думала, должен был быть спортзал. — Ты же сам сказал! Через полчаса! Без... без всего этого!

Он замер, его ухмылка стала ещё шире, но в глазах появилась игра.
 — Ах, вот как, — протянул он, делая вид, что только сейчас вспомнил. — К *той* тренировке. Извини, златовласка, твой внешний вид... вводит в заблуждение. — Его взгляд снова пробежался по мне, на этот раз уже откровенно оценивая. — Особенно после твоего утреннего... предвкушения. Я подумал, ты решила сменить род деятельности.

Он развернулся и направился к потайной двери, ведущей, как я теперь поняла, в его личный спортзал. На пороге он обернулся.
 — Ну что ж, раз уж ты так «готова»... — он подчеркнул слово, заставляя меня снова покраснеть, — ...тогда не будем терять время. Входи. Но имей в виду, — он добавил, и его голос снова приобрёл оттенок деловитой угрозы, — если твоя «готовность» начнёт снова проявляться в виде хихиканья или каких-то иных... неадекватных реакций, мы мгновенно поменяем дисциплину. С психической на физическую. В самом прямом смысле. Поняла?

Он не ждал ответа, просто вошёл внутрь, оставив меня стоять в дверях, сгорая от стыда и злости. Он сделал это на-

рочно. Увидел возможность — и ударил. Чтобы поставить на место. Чтобы напомнить, кто здесь устанавливает правила и как легко он может их поменять. И самое гадкое было в том, что это сработало. Все мои «хорошие настроения» и «предвкушения» развеялись, как дым. Остался только холодный, знакомый страх и понимание, что впереди — не изучение силы, а очередная психологическая пытка. И что на этот раз я сама, своей дурацкой майкой и глупым хихиканьем, дала ему в руки прекрасный инструмент для неё.

Дверь в его спортзал закрылась за нами с тихим, но внушительным щелчком. Помещение было огромным, стерильным, с матовыми чёрными стенами, зеркалом во всю стену и минималистичным оборудованием. В центре стоял только мягкий мат. Всё дышало холодной эффективностью и деньгами. Он указал на центр мата.

— Становись. Первое — фокус и контроль. Мы не будем бить по тебе. Ты сама будешь вызывать в себе определённые состояния, и учиться направлять энергию, не выпуская её лавиной.

Я встала на указанное место, чувствуя себя нелепо в своих «вводящих в заблуждение» шортах. Он отошёл к стене, прислонился и скрестил руки на груди. Взгляд его снова стал аналитическим, без намёка на утреннюю игру.

— Закрой глаза. Вспомни вчерашний бой. Момент, когда ты выпустила свет. Не на действии. На ощущении, которое было перед этим. Что ты чувствовала?

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором поплыли обрывки: ярость Ве-

лиала в его истинном облике, чёрная кровь, ледяные глаза Шаккала...

 — Страх, — выдохнула я. — Сильный. И... ярость. На них. Что они сделали.
 — Хорошо, — его голос звучал ровно, направляя. — А теперь конкретнее. Сфокусируйся не на эмоции. На мысли, которая была в голове в тот миг. Быстрая, чёткая. Я пыталась поймать её. Это было не просто «боюсь» или «злюсь». Это было...

 — Что они смотрят и хотят ударить, — прошептала я, и само воспоминание заставило сжаться живот. — Отлично, — одобрил он, и я услышала, как он делает шаг вперёд. — Вот на этом и держись. Не на страхе за себя. На этой... протестующей мысли. «Они хотят ударить.». Сфокусируйся на ней. И попробуй вызвать то же ощущение в теле. Тот же сгусток. Но не выпускай. Просто почувствуй, где он собирается.

 Я пыталась. Дышала глубже, пытаюсь воссоздать в памяти тот момент отчаяния и ярости, но в стерильной тишине спортзала, под его пристальным взглядом, это было невероятно сложно. Эмоции казались плоскими, бутафорскими.

 — Не получается, — пробормотала я, открывая глаза.
 — Потому что ты пытаешься играть в эмоции, а не вспоминать их, — сказал он, подходя ближе. Он остановился в паре шагов. — Забудь про «правильно». Просто позволь мыслям течь. Они хотят ударить.

Я закрыла глаза снова, пытаюсь заглушить его присутствие, стерильный запах зала, своё собственное смущение. "Они хотят ударить". Картинка снова поплыла перед глаза-

ми: тёмная зала, летящий кулак Раската, пропитанный пламенем... но на этот раз взгляд мой внутренний не цеплялся за демона. Он скользнул мимо, к той фигуре, что стояла на пути. К Велиалу. И в памяти вспыхнула не ярость, а что-то острое и холодное — чистый, неотфильтрованный ужас от одной мысли: *Его могли убить*.

Эта мысль, короткая и беспощадная, как лезвие бритвы, пронзила всё нутро. И в ответ, будто живое существо, внутри зажглось что-то. Не вспышка, не взрыв. Мощный, ровный, горячий поток, который полился из самого центра груди, наполняя всё тело изнутри дрожащим, сконцентрированным сиянием. Он был намного интенсивнее, чем всё, что было до этого. Я чуть не вскрикнула от неожиданности и силы ощущения, но сжала зубы, пытаясь удержать этот поток, не дать ему вырваться наружу.

— Вот оно, — его голос прозвучал прямо у уха, тихий, но полный удовлетворённого интереса. — Держи. Чувствуй его. Контролируй.

Я держала. Секунды тянулись в мучительном напряжении. Поток энергии гудел под кожей, требуя выхода, но я сжимала его внутренним усилием, как в кулак. Наконец, он скомандовал: — Отпускай. Медленно. Растворяй.

Я выдохнула, позволяя силе растечься обратно, погаснуть. Когда я открыла глаза, мир поплыл, я едва устояла на ногах. Вся была мокрая, сердце колотилось.

Он стоял передо мной, его взгляд был пристальным, как

у хирурга после сложной операции.
 — Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо. Во второй раз сила была на порядок сильнее. — Он взял мою руку, его пальцы обхватили запястье, будто проверяя пульс. — Что изменилось, Рита? Какая мысль пришла в голову? Конкретно.

Вопрос был прямым, как удар. Я отвела глаза, чувствуя, как предательский жар разливается по щекам. Говорить правду было невозможно.
 — Я просто... сильнее испугалась, — выдавила я, голос звучал хрипло. — Вспомнила, как тот удар пришёлся... стало ещё страшнее. Что могут и убить, просто так.

Я сказала «убить». Общее слово. Безликое. Не «его могут убить». Просто «убить». Я намеренно опустила самое главное, сделала страх абстрактным, направленным в никуда, а может, и на себя.

Он молчал несколько секунд. Его пальцы всё ещё сжимали моё запястье, и я чувствовала, как он, кажется, слушает не только мои слова, но и бешеный стук крови под кожей.
 — Испугалась смерти, — произнёс он наконец. Его тон был ровным, но в нём висела лёгкая, неверящая интонация. — А первая мысль была «они хотят ударить». Вторая — «могут убить». И от этой, более общей и страшной мысли, сила возросла в разы. — Он отпустил мою руку. — Любопытная градация.

Он сделал шаг назад, его взгляд снова стал аналитическим, холодным.
 — Ладно. На сегодня достаточно. Ты

уловила разницу между простой эмоцией и мыслью, которая её питает. Запомни это ощущение. — Он повернулся к выходу. — Иди, прими душ. Отдыхай. Завтра будем работать с другими... «сценариями». Посмотрим, какие именно мысли вызывают самый мощный отклик.

Он ушёл, оставив меня стоять в центре мата, с трясущимися руками и тяжёлым камнем на душе. Он не поверил до конца. Он чувствовал, что я что-то утаила, что за общими словами скрывается нечто конкретное и важное. И его интерес только подогрелся.

Визуализация Велиал и Рита

Глава 6. Мысли

Я потащила в душ, ноги были ватными, как после марафона. Горячая вода стала благословением — она смывала пот, напряжение и тот странный, жгучий осадок после тренировки. Я прислонилась лбом к прохладной плитке, закрыв глаза, позволяя струям бить в затылок и плечи. Хотя бы на секунду выключиться...

Дверь душа открылась с резким скрипом.

Я вздрогнула, обернулась. Сквозь пар в кабину шагнул он. Велиал. Совершенно голый, вода стекала по его торсу, подчёркивая каждый рельеф мышц. Его взгляд, скользнув по мне, был мгновенно оценивающим, лишённым всякой нерешительности.

— Решил, что совместный душ быстрее восстановит силы, — бросил он, но в его голосе не было и тени объяснений или просьб. Это был факт.

Прежде чем я успела что-то вымолвить — протест, вопрос, что-то — он был уже рядом. Его руки не стали нежно массировать плечи. Одна резко обхватила меня за талию, а другая — под попу и вжал в холодную, мокрую плитку стены за спиной. Моё тело прилипло к кафелю, а его — всем весом и жаром прижалось спереди.

— И закрепит результат, — добавил он уже губами у моего уха, пока вода лилась на нас обоих, смешиваясь с паром

и внезапно учатившимся дыханием.

Это не было лаской. Это был захват. Стремительный, властный, не оставляющий времени на мысли. Его член, твёрдый и требовательный, упирался в моё бедро. Его руки держали меня на весу, пальцы впивались в плоть, утверждая контроль. В его глазах, так близко, я видела ту же самую, хищную концентрацию, что и в спортзале, но теперь она была направлена не на мою психику, а на мою немедленную, физическую капитуляцию.

— Расслабься, — прошипел он, но это был приказ, а не совет. Его таз двинулся, нащупывая, направляя. — Энергия должна идти свободно. Через всё тело.

И он вошёл. Сразу. Глубоко. Резкий толчок выбил из меня воздух, и я вскрикнула — не от боли (тело, предательское тело, уже отозвалось на его вторжение влажным жаром), а от шока, от этой стремительности, от полной потери какой-либо инициативы.

Он не стал ждать. Начал двигаться сразу — не быстрыми толчками, а медленными, глубокими, изматывающе властными движениями, которые вбивали меня в стену с каждым разом. Его руки продолжали держать меня на весу, лишая опоры, заставляя полностью принять его ритм, его силу. Я видела только его лицо в сантиметрах от своего — сосредоточенное, напряжённое, с горящими в полумраке кабины аметистовыми глазами. Он следил. Всегда следил.

— Твоя сила, — его голос прорывался сквозь шум воды

и его собственное тяжёлое дыхание, — реагирует на триггеры. На острые состояния. — Он вогнал в меня ещё глубже, заставив выгнуться. — Страх. Ярость. А что насчёт... этого?

Он задал вопрос взглядом, впиваясь в меня, словно пытаюсь прочесть ответ не в моих глазах, а в самой ткани моего существа. И тогда, сквозь туман боли, шока и нарастающего, предательского удовольствия, я почувствовала нечто знакомое. Лёгкое, тёплое покалывание у корней волос.

Сначала он, наверное, принял это за игру света и пара. Но потом они начали светиться по-настоящему. Сначала слабо, едва заметным золотым сиянием мокрых прядей, прилипших к моим плечам и его рукам. Потом ярче. Золотистый свет заструился, отражаясь в каплях воды на его коже, на плитке, наполняя тесное пространство душа мягким, тёплым свечением. Это было медленное, глубокое горение изнутри, прямое следствие той самой «полной поглощённости», о которой он говорил.

Он замер на миг, его взгляд прилип к моим светящимся волосам, к моему лицу, которое, наверное, тоже отражало этот внутренний свет. И в его глазах промелькнуло не удивление. Промелькнуло глубочайшее, дикое, удовлетворённое торжество. Он *увидел*. Он получил доказательство. Его гипотеза подтверждалась самым наглядным образом.

И это зрелище, этот немой, светящийся ответ, сорвало с него последние остатки контроля. Низкое, победное рычание вырвалось из его груди, и он начал двигаться с новой,

яростной силой. Уже не изучающе, а требовательно, властно, почти что карающе, как будто пытался выжать из меня ещё больше этого света, этой силы, этого признания его власти на самом глубинном уровне.

Я не выдержала. Этот двойной натиск — физический и этот странный, светящийся изнутри экстаз — снёс все барьеры. Волна накрыла меня не тихо, а оглушительным грохотом в ушах и слепящей вспышкой за закрытыми веками. Я кончила с судорожным криком, вцепившись в него так, что, наверное, оставила следы ногтей на его спине.

Он почувствовал это всем своим существом. Его собственное тело вздрогнуло в последней, мощной судороге, и он издал окончательный, хриплый рёв триумфа. Он не просто кончил. Он *победил*.

Он замер, всё ещё держа меня прижатой к стене, его грудь тяжело вздымалась. Медленно, его губы нашли моё плечо, потом скользнули к шее. Он вдохнул запах моей кожи, смешанный с запахом секса, воды и этого странного, чистого сияния, которое ещё не до конца угасло в моих волосах.

— Моя... Рита... — прорычал он прямо в мою кожу, и в этих двух словах, произнесённых таким надтреснутым, животным голосом, было всё. Обладание. Победа. И какое-то тёмное, бездонное удовлетворение от того, что даже эта часть меня — самая сокровенная, самая сильная — реагирует на него. Принадлежит ему.

Потом он медленно, очень медленно опустил меня на но-

ги. Мои колени подкосились, и он не дал упасть, прижав к себе. Свет в моих волосах наконец угас, оставив после себя только обычную, мокрую массу.

Вода продолжала литься. Он выключил её одной рукой. Тишина обрушилась, оглушительная после рёва, криков и шума воды.

Он откинул мокрые, потускневшие пряди с моего лица, изучая мои глаза, мои разбитые черты.
 — Ну что, — проговорил он наконец, и в его голосе снова зазвучала та самая, ядовитая, довольная усмешка, — кажется, мы нашли ещё один эффективный триггер. Очень... наглядный. Завтра продолжим. С новыми... вариациями.

Он шагнул со мной на руках из душа, оставив мокрые следы на полу. Одной рукой он сдернул с вешалки огромное, мягкое банное полотенце и накинул его на меня, грубо, но тщательно укутав, будто заворачивая драгоценность после очистки. Сам он даже не вытерся. Капли воды стекали по его напряжённой спине и торсу.

Я не сопротивлялась. Не было сил даже на это. Я просто положила голову ему на плечо, чувствуя, как полотенце впитывает влагу, и его тепло проникает сквозь ткань. Он нёс на руках, прижимая к груди, и его шаги были неспешными, почти что... торжественными.

Он внёс меня в спальню, не обращая внимания на лужицы на полу, и уложил на кровать, уже застеленную свежим бельём. Не бросил, а именно уложил, поправив полотенце во-

круг меня. Потом сел на край кровати, его мокрое тело оставило тёмное пятно на шелковистой ткани.

Велиал сидел молча, просто смотря на меня. Его дыхание уже выровнялось. В его глазах не было привычной насмешки или холодного анализа. Была какая-то тяжёлая, непроницаемая глубина. Он протянул руку и откинул с моего лба влажную прядь волос, уже потускневших, обычных. Его пальцы задержались на коже виска.

— Моя, — повторил он тихо, уже без рыка, но с той же, неоспоримой уверенностью. Это было не напоминание. Это было внутреннее убеждение, которое он проговаривал вслух, возможно, и для себя тоже.

Он наклонился, и его губы коснулись моего лба. Не страстно. Даже не нежно. Это был акт закрепления. Печать. Как будто он ставил последнюю точку в каком-то важном для себя ритуале.

Потом он встал, взял второе полотенце и начал вытираться, стоя у кровати, его движения были резкими, деловыми. Но когда он закончил и натянул боксеры, он не ушёл в кабинет, как обычно. Он обошёл кровать и лёг с другой стороны. Притянул меня к себе и обхватил рукой так крепко, что вырваться было бы невозможно даже если бы у меня были силы.

Его дыхание снова стало ровным у моего уха. Но он не спал. Я чувствовала напряжение в его мышцах, слышала, как он иногда глубоко, почти неслышно вздыхал.

Он не мог просто выйти и оставить одну. Потому что в этот момент это было уже не про контроль над инструментом. Это было про что-то другое. Про это странное, глупое чувство обладания, которое перестало быть просто правом сильного и стало... чем то иным или мне только хотелось так думать. Про эти тёплые, непонятные вибрации где-то глубоко внутри него.

— Спи, — произнёс он наконец, и его голос прозвучал хрипло, почти срываясь. — Завтра... завтра всё будет иначе.

Что он имел в виду? Новые тренировки? Новые попытки докопаться до сути её силы? Или что-то ещё, более страшное и необратимое? Я не знала. Но его рука, тяжёлая и неумолимая, его тело, прижатое вплотную, и этот тихий, сдавленный тон говорили об одном: игра изменилась. И правила писал он. А мне оставалось только лежать в его объятиях, чувствуя, как под толстым полотенцем и его кожей медленно возвращается тепло, и понимать, что сбежать теперь будет невозможно не только из-за метки. А из-за того, что и он сам, этот демон, уже не сможет, даже если захочет, просто так отпустить свою «златовласку», в которой поселилось что-то, ставшее для него гораздо больше, чем просто ценным активом.

Уснула. Не сразу, конечно. Сначала проваливалась в какое-то липкое, тревожное полузабытьё, пока его рука всё так же лежала на мне, тяжёлая и властная. Дыхание у него за спиной стало ровным, но каким-то... настороженным. Будто

даже во сне он не выпускал меня из-под контроля.

Потом тьма стала гуще, затягивая, как болото. И последней искоркой, последним обрывком сознания, пронеслась мысль — острая, как лезвие, и холодная, как страх:

Только бы не докопался... Господи, пусть ходит вокруг да около, пусть строит свои теории, пусть тренирует... Но если заметит... Если увидит, что этот свет, эта сила — они от... от этого... Если поймёт...

Мысль оборвалась, недодуманная, слишком страшная, чтобы даже думать до конца. Сон накрыл с головой, но и в нём, в самых глубоких слоях, где нет образов, только ощущения, остался этот холодный, тоскливый ужас. Ужас перед тем днём, когда он посмотрит на меня не как на сложную переменную, а как на разгаданную тайну. И в его глазах не будет любопытства. Только холодное, абсолютное знание. И власть, которую я уже никогда не смогу оспорить.

Глава 7. Утро

Проснулась от непривычной тишины и ощущения пустоты в постели. Солнечный свет резкими полосами падал на простыни с моей стороны. Его половина была пуста, смята, но холодная — он встал давно.

Я приподнялась на локте, сбита с толку. Он не разбудил. Не выволок на тренировку, не бросил на полотенце, даже не разыграл свою привычную игру с утренним прикосновением. Просто... ушёл.

Я лежала, слушая тишину квартиры. Она была пугающей. Привычный ритм — его шаги, шипение кофемашины, стук клавиатуры — нарушился. И от этого стало тревожно. Что он задумал? Новая тактика? Или вчерашнее... вчерашнее его удовлетворило настолько, что он перестал видеть необходимость в утренних ритуалах? Выбравшись из-под одеяла, я натянула его халат и осторожно вышла в гостиную.

Он сидел за своим рабочим столом у окна, уткнувшись в экран ноутбука. На нём были простые брюки и тёмная футболка, волосы слегка растрёпаны. Взгляд был сосредоточенным, губы сжаты в тонкую линию. Он что-то просчитывал, строил модели — я узнавала эту позу и этот взгляд.

Услышав мои шаги, он не обернулся сразу. Закончил что-то набирать, сделал паузу и только потом медленно повернул ко мне голову.

— Рита, — произнёс он, и в его голосе не было ни привычной насмешки, ни утренней хрипотцы. Была ровная, спокойная констатация. — Проснулась. Отлично.

Он отодвинулся от стола, встал и направился на кухню, мимо меня, даже не задев взглядом. Несколько минут слышался привычный ритуал — шипение кофе, лёгкий звон посуды. Потом он вернулся, неся в одной руке поднос. На нём стояли две чашки с дымящимся эспрессо, тарелка с круасаном, йогурт, фрукты.

Он поставил поднос на низкий столик перед диваном и кивнул мне. — Садись.

Я опустилась на диван, всё ещё ощущая лёгкое головокружение от непривычного обращения. Он сел напротив, в своём кресле, откинулся и взял свою чашку. Сделал глоток, поставил обратно. И только потом его взгляд, тёплый и... странно оценивающий, без привычной хищной остроты, остановился на мне.

— Твои силы, — произнёс он, и на его губах появилась лёгкая, почти что мягкая улыбка. Не торжествующая. Скорее... удовлетворённая. Как у человека, который провёл удачный эксперимент и теперь наблюдает за результатом. — Восстановились. Я чувствую. Полностью.

Он сказал это не как вопрос. Он *знал*. Чувствовал через ту самую метку, через ту связь, что стала после вчерашнего ещё прочнее. И в его улыбке было что-то новое. Не просто «я владею твоей силой». А «я понимаю, как она работает. И

это знание — моё».

Он отпил ещё кофе, его глаза не отпускали меня. —
Сегодня, — сказал он, и его тон снова стал деловым, но в нём теперь висела незримая тяжесть вчерашнего открытия, — мы не будем тренироваться в зале. У нас другая работа. Данные с Шаккала нужно обработать, кое-что проверить. А потом... — он сделал паузу, и в его взгляде промелькнула знакомая искорка, но на сей раз приглушённая этим новым, спокойным знанием, — ...потом обсудим твои успехи. И решим, в каком направлении двигаться дальше.

Он говорил ровно, но каждое слово било точно в цель. «Обсудим твои успехи» — означало «я видел твой свет, и мы поговорим о том, что его вызывает». «Решим, в каком направлении» — означало, что путь назад, к неведению, закрыт. Он напал на след. И теперь не станет топтаться вокруг да около. Он будет методично, с этой своей леденящей эффективностью, раскручивать клубок, пока не доберётся до самой сердцевины. До той самой тайны, которую я так отчаянно пыталась спрятать.

А он просто сидел, пил кофе и смотрел на меня с этой новой, ужасающе спокойной улыбкой. Как хозяин, который уже нащупал слабость своего самого строптивого питомца и теперь не спешит. Потому что время и без того работает на него. Я с ужасом представила это самое «направление». Направление прямо в самую сердцевину. Не тренировки по контролю, не безличные эксперименты с эмоциями. А целе-

направленные, точные удары по *тому самому* чувству, которое зажгло мои волосы. Он будет искать его, культивировать, проверять границы... или, что страшнее, начнёт его использовать как рычаг. Как самую эффективную кнопку «включения».

От этой картины в горле всё сжалось. Я сделала слишком большой, жадный глоток кофе, пытаюсь смыть ком страха, — и подавилась. Горячая жидкость пошла не в то горло. Я согнулась пополам, давясь и кашляя, слёзы выступили на глазах от неловкости и этого внезапного физического спазма.

Он не вскочил. Я слышала, как он тихо поставил свою чашку на блюде. Через мгновение его рука легла мне на спину, между лопаток. Не хлопала. Просто лежала, тяжёлая и тёплая, пока я откашливалась. Движения его ладони были медленными, круговыми, успокаивающими — и от этого ещё более пугающими.

— Осторожнее, — прозвучал его голос прямо над моим ухом, тихий, без насмешки. — Не торопись. Никуда мы не спешим. — Его рука продолжала водить по моей спине сквозь ткань халата. — Волнуешься? Зря. Всё будет... максимально эффективно. На благо нашего общего дела.

Он произнёс это так спокойно, так разумно, что мороз побежал по коже даже сквозь приступ кашля. Когда я наконец выпрямилась, вытирая слёзы с лица, он уже сидел напротив, снова держа свою чашку. Его взгляд был внимательным, изучающим.

— Видишь? — сказал он. — Даже такая простая, физическая реакция — часть процесса. Ты отреагировала на мои слова. Значит, они для тебя значимы. — Он отпил кофе, не сводя с меня глаз. — Это ценные данные, Рита. Очень ценные. Завтрак доедай. Понадобятся силы. Для... анализа.

Он улыбнулся. Та самая, новая, спокойная улыбка человека, который уже держит все карты на руках и только ждёт подходящего момента, чтобы разыграть их. А я сидела с комом непроглоченного круассана в горле и понимала, что моё единственное оружие — неведение — я только что потеряла. Он уже знал слишком много. И теперь каждое моё движение, каждая реакция, даже этот дурацкий кашель, будут для него ещё одной уликой. Ещё одним шагом к разгадке.

Он внезапно отодвинул чашку и встал. Неспешными, бесшумными шагами подошёл и присел на корточки прямо передо мной, так что наши глаза оказались на одном уровне. Его аметистовый взгляд был не острым, а... пронизательным, будто он видел сквозь кожу, прямо в тот хаос, что бушевал у меня внутри.

— Я уже близко к разгадке, да? — спросил он тихо, почти ласково. Не как вопрос, а как констатацию факта, в котором он уже почти уверен.

Моё сердце ёкнуло, упав куда-то в пятки. Инстинктивное желание защититься, отпихнуть эту опасную правду, вырвалось наружу голосом, полным наигранной, слабой надежды:
— А может... ну её, эту разгадку? — прошептала я,

пытаясь изобразить что-то между шуткой и усталой капитуляцией. — Слишком сложно. Давай лучше просто... работать. Как раньше.

Он замер на секунду, а потом рассмеялся. Не привычным коротким, хищным смешком. Это был низкий, бархатный, искренний смех, от которого по моей спине пробежали мурашки. В нём звучало не злорадство, а какое-то тёмное, глубокое удовольствие.

— О, нет, златовласка, — сказал он, всё ещё смеясь, и его рука потянулась, чтобы откинуть прядь волос с моего лица. — Так не пойдёт. «Как раньше» уже не получится. Ты сама всё изменила. Вчера. Своим светом. — Его пальцы задержались на моей щеке, большой палец провёл по коже под глазом, смазывая след от невысохшей слезинки. — Ты показала мне самую интересную часть головоломки. И теперь я не могу оторваться. Это... в моей природе. Докопаться до сути. Особенно когда суть такая... тёплая. И светящаяся.
— Так что нет, Рита. Никаких «может, ну её». Мы будем копать. И я найду то, что заставляет тебя гореть. — Он произнёс это с такой тихой, неоспоримой уверенностью, что стало ясно — пути назад действительно нет. — А теперь доедай. Нам сегодня предстоит не только анализ данных Шаккала, но и... первичное тестирование новой гипотезы. Очень интересной гипотезы.

Он развернулся и пошёл обратно к своему столу, оставив меня сидеть с холодным завтраком и с ледяным комом в гру-

ди. Его смех всё ещё звенел в ушах. Он не злился. Он был... увлечён. Как ребёнок новой игрушкой. И эта игрушка была мной. Моими чувствами. Моей душой. И я больше не могла скрывать, что именно в ней такое ценное, потому что оно уже начало светиться для него самым предательским образом.

Я почувствовала, как щёки горят от стыда и ярости. Отчаянное желание всё свести к пустяку, к случайности, заставило меня выпалить: — А может, не надо? Ну подумаешь, волосы засветились! С кем не бывает! — голос звучал фальшиво и визгливо даже в моих собственных ушах.

Он рассмеялся ещё веселее, откинув голову. Звук был тёплым, живым и от этого невыносимым. — И самое интересное, — продолжил он, утирая несуществующую слезу удивления, — раньше, во время секса, такого не было. Ни разу. А сейчас... — он замолчал, и его взгляд стал тем самым, аналитическим, сканирующим. Он изучал моё лицо, мою позу, искал микродрожь, искал подтверждение. — Сейчас всё иначе. И это не случайность, Рита. Это корреляция. Очень чёткая.

— А сейчас просто силы выросли! — почти крикнула я, хватаясь за последнюю соломинку. — Или... или ты стараешься лучше, чем раньше! Вот и всё!

Тут уж он рассмеялся так искренне, так громко, что, казалось, звук заполнил всю огромную квартиру. Он схватился за спинку кресла, чтобы удержаться. — Стараюсь лучше? — переспросил он, и в его глазах плескалось чистое,

безудержное веселье от моей глупости. — Мне-то казалось, я всегда беру тебя одинаково отлично. Или, — его смех стих, перейдя в опасную, бархатную усмешку, — ты намекаешь, что вчера было... по-особенному? Что-то изменилось не в моей технике, златовласка. А в твоём... восприятии. В твоей вовлечённости.

Он выпрямился и сделал несколько шагов ко мне. Веселье испарилось с его лица, остался только тот самый, хищный интерес.
— И именно это «что-то» я и собираюсь найти. И, что самое забавное, — он наклонился так, что его губы почти коснулись моего уха, — ты сама мне поможешь. Потому что каждый раз, когда ты пытаешься отшутиться или соврать, твоё тело, твои глаза, даже твой голос выдают тебя с потрохами. Ты — открытая книга, Рита. И я уже научился читать между строк. А сегодня... сегодня мы прочтём целую главу.

Я выпалила это, отчаянно пытаюсь отгородиться стеной бравады и самоуничтожения. Скрестила руки на груди и сделала максимально каменное лицо.

— Ничего я не вовлечённая! Я бревно! Бездушное, нечувствительное бревно! Можешь вообще не стараться!

Он замер. Веселье в его глазах не погасло, а превратилось в нечто более острое, более сосредоточенное. Уголки его губ дёрнулись.

— Бревно, — повторил он медленно, смакуя слово. Затем он сделал шаг назад, окинул меня оценивающим взглядом с

ног до головы. — Любопытно. Очень любопытно. Видишь ли, настоящее бревно не светится. Оно не замирает, когда я касаюсь именно здесь. — Он, не двигаясь с места, указал пальцем в воздухе на точку у основания моей шеи. Я невольно сглотнула, чувствуя, как по коже там пробежали мурашки. — Оно не отвечает мне взглядом, полным... чего? Гнева? Страх? Желания скрыть что-то очень важное?

Он снова подошёл, уже не смеясь. Его движения были плавными, как у хищника, загоняющего добычу в угол.

— Ты самое живое, самое отзывчивое «бревно», какое я только встречал за всю свою долгую жизнь. И в этом вся прелесть. — Он протянул руку и коснулся той самой точки на моей шее кончиками пальцев. Кожа под его прикосновением вспыхнула жаром. — Ты не бревно, Рита. Ты — резонатор. И я только что нашёл твой камертон.

Он убрал руку, но ощущение его пальцев осталось, как клеймо.
— Так что спасибо за помощь. «Бревно» — отличная контрольная точка. Значит, всё, что отличается от этого состояния... и есть разгадка. И поверь, — он повернулся к своему столу, бросая через плечо последние слова, произнесённые с ледяной, обещающей уверенностью, — я найду сотни способов доказать тебе, насколько ты живая. И вовлечённая. Начиная с сегодняшнего дня.

— Не надо! — вырвалось у меня, паническое, когда он развернулся. Я отпрянула к спинке дивана, как будто она могла меня спасти. — Не доказывай! Я говорю тебе — не

вовлечённая!

— Да-а? — протянул он, и в одном этом слогe было столько сомнения и плотоядного интереса, что у меня перехватило дыхание.

Он не стал подходить медленно. Сделал один резкий, длинный шаг — и был уже рядом. Его рука, быстрая и неотвратимая, обхватила мою шею. Не чтобы сдавить. Чтобы зафиксировать. Пальцы легли сбоку, большой палец упёрся в челюсть, заставляя меня поднять голову. Его прикосновение было тёплым, железным, лишаящим возможности отвернуться.

Я захлебнулась протестом, который так и не успел вырваться. Потому что он наклонился — и его губы захватили мои. Это не был нежный или страстный поцелуй. Это была демонстрация. Властное, безоговорочное утверждение своего права на доступ. Его губы двигались настойчиво, требуя ответа, а рука на шее мягко, но неумолимо удерживала меня на месте, не давая отстраниться.

И самое ужасное — моё тело отозвалось. Предательское, глупое тело. Сердце заколотилось, не от страха, а от этого внезапного, всепоглощающего вторжения. В груди, глубоко внутри, ёкнуло то самое тёплое пятно, которое я так ненавидела.

Он почувствовал это. Должен был почувствовать — через свою руку на моей шее, через то, как дрогнули мои губы. Он оторвался всего на сантиметр, его дыхание смешалось с

моим.

— Не вовлечённая? — прошептал он губами прямо у моего рта. Голос был низким, хриплым от одержанной победы. — Тогда объясни мне, Рита, почему твой пульс сейчас бьётся, как у загнанной птицы? И почему, — он прижался губами к уголку моего рта, — ты отвечаешь мне?

Он снова поцеловал меня, уже чуть менее жёстко, но с той же неоспоримой уверенностью. А я стояла, парализованная его хваткой и собственным предательством, понимая, что проиграла этот раунд. Ещё до того, как он начал его по-настоящему. Потому что моё тело уже кричало правду, которую так отчаянно пытался отрицать мой разум.

— Потому что это обычная реакция на вторжение! — выпалила я, как только он отпустил мои губы, стараясь вдохнуть побольше воздуха и хоть капельку самообладания. Голос дрожал, выдавая меня с головой.

— На *моё* вторжение, — спокойно, с лёгкой улыбкой, констатировал он, как будто поправлял незначительную техническую ошибку. Его палец всё ещё лежал на моей шее, чувствуя бешеную пульсацию крови под кожей.

Ярость от его самоуверенности, от этого тотального контроля, вспыхнула во мне ярче страха.
— Ты слишком большого о себе мнения! — прошипела я, пытаюсь вырваться из его хватки, но его рука была неподвижна, как тиски. — Любой на моём месте... испугался бы! Это инстинкт! Никакого... вовлечения!

Он засмеялся. Коротко, тихо, прямо у моего уха.
 — Конечно, конечно. Инстинкт. Испуг. — Он отпустил мою шею, но не отошёл. Его руки опустились на мои плечи, прижимая к спинке дивана. — Но тогда, моя дорогая «бревно», почему твой инстинкт не велит тебе бить меня? Царапать? Кусаться? — Он наклонился так близко, что наши лбы почти соприкоснулись. — Почему он заставляет тебя замирать, слушать мое дыхание, следить за движением моих губ? Почему в твоих глазах, кроме страха, я вижу... вызов? Ожидание? Интерес, какой не возникает перед простой угрозой?

Он отступил на шаг, ослабив хватку, но его взгляд приковывал сильнее любых рук.
 — О себе у меня ровно то мнение, которое подтверждается фактами. А факт в том, что твои реакции на меня — уникальны. Они не укладываются в простые схемы «страх-агрессия-бегство». В них есть... оттенки. Нюансы. И именно их я собираюсь изучить. До самого основания.

Он развернулся и снова пошёл к своему столу, оставив меня сидеть с дрожащими руками и с жгучим осознанием, что он прав. Ужасно прав. И эта правота была страшнее любой лжи. Потому что она означала, что он видит меня насквозь. И то, что он там видит, даже мне самой до конца непонятно и пугает больше, чем он сам.

— Не надо до основания! Вдруг там что-то... неприятное! Ужасное! Не открывай ящик Пандоры!

Он остановился на полпути к столу и медленно, очень

медленно обернулся. На его лице не было ни насмешки, ни гнева. Было чистое, сосредоточенное любопытство, смешанное с чем-то вроде... понимания.

— Ящик Пандоры, — повторил он задумчиво, делая шаг ко мне. — Интересная аналогия. Ты боишься, что на дне окажется что-то, что нельзя будет контролировать? Что вырвется наружу и всё испортит?

Он стоял совсем близко, его взгляд сканировал моё лицо.
— Но, видишь ли, Рита, — его голос стал тихим, почти что убеждающим, — я не простой смертный, который боится того, что выпустит. Я — тот, кто может держать крышку. Или, что более вероятно, — использовать то, что внутри, с пользой. Для наших целей.

Он протянул руку и прикоснулся ко лбу, отодвигая мои волосы. Жест был странно нежным, но от этого не менее пугающим.
— Ты боишься не «чего-то ужасного». Ты боишься правды. О себе. О том, что на самом деле прячется за всеми этими «не вовлечена» и «боюсь». И знаешь что? — Он наклонился, и его шёпот обжёг мою кожу. — Эта правда уже не принадлежит только тебе. Она засветилась на кончиках твоих волос. Она бьётся в твоём пульсе, когда я рядом. Она есть. И её уже не затолкать обратно в ящик. Осталось только посмотреть ей в лицо. И решить, что с ней делать. Вместе.

Он выпрямился, и в его глазах промелькнула та самая, опасная решимость.
— А «вместе» — ключевое слово. Потому что ты уже не одна в этом, златовласка. И чем раньше

ты это примешь, тем менее... болезненным будет процесс. Теперь садись и доедай. Нам нужно много сил. На изучение. На адаптацию. На управление.

Он вернулся к своему креслу, оставив меня стоять посреди комнаты с ощущением, что земля уходит из-под ног. Он не просто хотел докопаться. Он уже копал. И нашёл не просто зацепку. Он нащупал самую суть моего страха — не перед ним, а перед тем, что он может обнаружить во мне.

Глоток воздуха. Отстранилась мысленно от этого жуткого «вместе», от этого пронзительного взгляда, видящего слишком много.

— Что там по Шаккалу? — спросила я, и голос прозвучал хрипло, но уже более-менее ровно. Я опустилась обратно на диван, уставилась в остывающий кофе, лишь бы не встретиться с его глазами. — Данные какие-нибудь есть? Планы?

Он замер на секунду, и я почувствовала, как его внимание, натянутое, как тетива, на моих внутренних терзаниях, слегка ослабло, переключившись на другую, не менее важную, но куда более безопасную для меня цель. Уголок его рта дрогнул — он прекрасно понял мой манёвр. Но, кажется, решил пока позволить.

— По Шаккалу, — произнёс он, возвращаясь к своему креслу и ноутбуку, — есть кое-что интересное. Очень интересное. — Он щёлкнул по клавишам, и на большой экран на стене проецировалась карта города с новыми метками. — Его архив был не просто хранилищем. Это была узловая точ-

ка в сети. Той самой, что мы начали выявлять. Коллектор был одним из стабильных анкоров. И судя по обрывкам данных, которые я успел скачать перед тем, как ты так эффективно нас эвакуировала, — он бросил на меня быстрый, оценивающий взгляд, — у него таких точек несколько. И они не статичны. Мигрируют.

Он приблизил изображение, показывая сложную паутину линий.
— Он не просто прячется. Он что-то строит. Сеть для сбора... чего-то. Возможно, энергии. Возможно, информации. Возможно, — его голос стал чуть тише, — таких же, как ты, «редких экземпляров». Он систематизирует. И мы нарушили работу одного из узлов.

Я слушала, и постепенно леденящий страх перед «разгадкой» отступал, сменяясь более привычным, операционным напряжением.
— Значит, он теперь будет осторожнее. Или, наоборот, злее.
— И то, и другое, — кивнул Велиал. — Но главное — он теперь знает о тебе не как о теоретической возможности, а как о реальном, действующем факторе. Факторе, способном не только чувствовать его сети, но и разрушать их. Ты стала для него не просто целью, а угрозой, которую нужно либо нейтрализовать, либо заполучить как можно быстрее.

Он откинулся в кресле, сложив руки.
— Так что наши задачи на ближайшее время: во-первых, расшифровать скачанные данные, найти другие узлы и понять их назначение. Во-вторых, продолжить развитие твоих способностей,

но уже с уклоном не просто на чувствительность, а на... контрмеры. Нарушение таких сетей. Маскировку от них. И, — он сделал паузу, и в его глазах снова мелькнула тень того, самого личного интереса, — в-третьих, понять, что именно в тебе делает тебя таким уникальным «камертоном» для Шаккала. Чтобы предугадать его следующий ход.

Он снова перевёл тему. Теперь мне нужно было не просто скрывать свои чувства. Мне нужно было учиться использовать эту свою «уникальность» против врага, под чутким руководством демона, который сам стремился эту уникальность разобрать по винтикам. Выбора не было. И в каком-то извращённом смысле это было даже легче. Потому что когда речь шла о выживании, о схватке с внешним врагом, можно было хотя бы на время забыть о враге внутреннем. И о том, что они, в лице Велиала, уже почти что стали одним целым.

Я резко подняла голову, ухватившись за эту соломинку, как за оправдание, за правое дело, которое наконец-то отвлечёт его от меня.

— Ну вот, давай и начнём! — сказала я, слишком бодро, вскакивая с дивана и указывая на экран. — Смотри, вот же точки, данные... Давай анализировать, вычислять, отслеживать! А не будем... — я запнулась, стараясь сделать голос максимально убедительным, — ...копаться во мне. Это же непродуктивно! Время теряем! Шаккал не будет ждать, пока ты разберёшься, почему у меня там что-то... светится!

Он смотрел на меня несколько секунд, его лицо было

невозмутимым. Потом он медленно, очень медленно, поднял бровь.

— Непродуктивно, — повторил он без интонации. Потом вздохнул, откинулся в кресле и провёл рукой по волосам. — Рита, Рита. Ты как ребёнок, который думает, что если громко крикнуть «смотри, птичка!», то взрослый забудет про разбитую вазу.

Он поднял с блюдца свою остывшую чашку, отхлебнул и поморщился.
— Разбираться в тебе — не потеря времени. Это инвестиция. Самая важная. Потому что Шаккал охотится не за «ходячей с силой». Он охотится за конкретным феноменом. За тобой. За твоим типом искажения, за твоим «звучанием», как я говорил. — Он поставил чашку с глухим стуком. — Не понимая, что именно в тебе представляет ценность, мы будем слепо бежать за ним, постоянно опаздывая на шаг. А понимая... мы сможем предсказывать. Манить. Загнать в ловушку. Или, в идеале, лишить его интереса, сделав тебя... невидимой для его сенсоров. Как ты думаешь, что эффективнее?

Он встал и подошёл к экрану, ткнув пальцем в одну из мигающих точек.
— Вот этот узел. Мы можем потратить неделю, чтобы вычислить его местоположение, ещё две — чтобы подготовить операцию по его нейтрализации. И в итоге наткнуться на ловушку или пустое место, потому что Шаккал уже съебался, почувствовав тебя за версту. — Он обернулся ко мне. — Или... мы можем потратить несколько

дней на то, чтобы понять механизм твоего «чутья». Научиться его усиливать, фокусировать, а может, и приглушать. И тогда мы не просто найдём узел. Мы поймём, как он работает. И как его разобрать, не вызывая тревоги. Какая стратегия, по-твоему, даст больше результатов в долгосрочной перспективе?

Он ждал ответа, и его взгляд говорил, что правильный ответ мне уже известен. Я молчала, сжав губы. Он был прав, чёрт возьми. Он всегда был прав в своей ледяной, безжалостной логике.

— Но «копаться», — он произнёс это слово с лёгкой, ядовитой усмешкой, — мы будем не просто так. Параллельно. Утром — анализ данных Шаккала, построение моделей. Днём — практика. Контроль, фокусировка, изучение твоих реакций в контролируемых условиях. — Он подошёл так близко, что я почувствовала исходящее от него тепло и напряжение. — Ты хочешь воевать с ним, а не со мной? Отлично. Тогда стань совершенным оружием. А для этого мне нужно знать каждую деталь механизма. Всю подноготную. Даже ту, которую ты так отчаянно пытаешься спрятать. Потому что в бою сломается или подведёт именно она.

Он отступил, его выражение лица смягчилось до чего-то, отдалённо напоминающего деловую уверенность.
— Так что садись. Первое задание на сегодня: сопоставить твои вчерашние ощущения от точек с этой новой картой миграции сигналов. Покажи мне, где твой «камертон» звучал

громче всего, и где было тише. Ищи закономерности. А я... — он вернулся к своему креслу, — буду строить гипотезы. О тебе. И о нём. И о том, как одно связано с другим.

И сел, снова уткнувшись в экран, оставив меня стоять с трясущимися руками и горьким пониманием: побега нет. Даже борьба с внешним врагом теперь будет проходить через самое сокровенное во мне. И наблюдателем, и судьёй, и, по сути, соавтором этого процесса будет он. Велиал. Тот, кто уже стоял на пороге самой главной тайны. И дверь для него я открыла сама, своим предательским светом.

— Мда, — выдохнула я с горькой усмешкой, сжимая в руках планшет, который он сунул мне минуту назад. — Класс. Оружие. Поздравляю, ты меня повысил. От «вещи» до «оружия». Какая честь.

Я не смотрела на него, уставившись в мерцающий экран, но кожей чувствовала, как атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Воздух стал гуще, заряженным внезапным, тихим гневом.

Он не закричал. Не бросил что-то. Раздался лишь резкий скрип кресла, когда он отодвинулся от стола. И шаги. Медленные, тяжёлые. Он подошёл и встал прямо передо мной, заслонив свет от окна.

— Я, — произнёс он тихо, но в этом шёпоте было столько сдавленной ярости, что я невольно подняла на него глаза, — уже сказал тебе. Что ты. Не. Вещь.

Его лицо было напряжённым, челюсти сжаты. В аметисто-

вых глазах бушевал не просто раздражение. Было что-то более глубокое — та самая ярость, когда его не слышат, когда его слова, которые он, видимо, считал важными, игнорируют или перевирают.

— Оружие, инструмент, актив, переменная — это функционал! — он ударил себя в грудь ладонью, и звук был громким в тишине. — Это то, для чего ты можешь быть использована! То, чем ты являешься в системе! Но ты — не функция! Понимаешь? Функцию можно заменить! Отложить! Выбросить, когда она устареет!

Он наклонился, впиваясь в меня взглядом. — А тебя — нельзя. Потому что ты не вписываешься в чистые категории. Ты всё ломаешь. Ты неудобная, сложная, тратишь мои ресурсы и время, постоянно огрызаешься и... — он запнулся, будто ловя слово, которое не приходило на ум, — ...и светишься. Совершенно идиотским, неконтролируемым светом, когда меньше всего этого ожидаешь! Ни одну вещь, ни один инструмент я не должен был бы так... изучать! Так вникать! Терпеть эту... эту дурацкую попытку сарказма вместо простого подчинения!

Он выпрямился, отдышавшись. Его гнев немного поостыл, сменившись чем-то вроде усталого, яростного недоумения. — Так что нет, это не «повышение». Это констатация факта. Ты — проблема. Самая сложная и затратная проблема, которая у меня есть. И одновременно — самый ценный актив. И между этими двумя состояниями нет места

для простого слова «вещь». Так что хватит уже его использовать. Оно... — он отвернулся, и его плечи слегка опустились, — ...оскорбительно. Для нас обоих.

Я сглотнула. Слюна была липкой и горькой. Его слова, вырванные из груди с такой незнакомой, сырой яростью, ударили во что-то внутри, заставив сердце пропустить удар. Не из-за страха. Из-за чего-то другого. Острого и щемящего, что застряло где-то под рёбрами с его именем. *Велшал*.

Не в силах выдержать это я отвернулась. Просто выдохнула, сжав планшет так, что треснул пластик, и, не оборачиваясь, пошла. Шла по коридору в свою спальню (если эту комнату с его вещами и его запахом можно было так назвать), и воздух вокруг был густым, гнетущим. Как перед грозой. Как будто невидимая энергия, выплеснувшаяся из него, зависла в пространстве, наэлектризованная, готовая разразиться молнией или... чем-то ещё. Каждый шаг отдавался в тишине оглушительно громко.

Я зашла в комнату и закрыла дверь. Не хлопнула. Просто притворила, прислонившись к ней спиной. В ушах всё ещё гудело. "Оскорбительно для нас обоих". Что это вообще значило? Какой "нас"? Какой "обоих"? Мы не были "нами". Мы были он и я. Порработитель и пленница. Хозяин и... что? Проблема. Самый ценный актив.

Я сбросила его халат, как будто он горел, и начала натягивать одежду — простые джинсы, футболку, всё без намёка, всё максимально закрытое и безликое. Действуя на автома-

те, но внутри всё ещё тряслось от этого странного резонанса. Он не кричал из-за того, что я назвала себя вещью. Он кричал из-за того, что я *свела* себя к вещи. Унизила. Себя? Или... его?

Я вздрогнула от тихого стука в дверь. Не настойчивого. Одного. — Рита. — Его голос прозвучал с другой стороны. Не гневный. Усталый. И очень близкий. — Через десять минут у экрана. Данные ждут. И... оденься теплее. В лаборатории под станцией, куда мы, возможно, поедem, холодно.

Он не стал входить. Не стал требовать немедленно. Просто предупредил. И ушёл. Его шаги затихли в коридоре.

Я стояла, сжимая в руках свитер, и чувствовала, как эта гнетущая атмосфера медленно, очень медленно начинает рассеиваться, уступая место чему-то новому — не менее опасному, но более... сложному. Как будто после взрыва остался не пепел, а трещина. И сквозь неё теперь было видно что-то такое, что лучше бы навсегда оставалось скрытым. И для него, и для меня.

Я резко, почти яростно, собрала волосы в высокий, тугой хвост, как будто могла этим жестом убрать их с глаз долой, спрятать это предательское золото. Но они всё равно поблёскивали на свету, каждый отблеск казался немим криком, уликой.

"Оскорбительно для нас обоих."

Дурацкая надежда. Маленькая, ядовитая, предательская змейка, которую он своими же словами, своим этим необъ-

ясным взрывом, поселил где-то глубоко в груди, рядом с тем холодным страхом. Надежда на что? Что я для него — не *просто* функция? Что эта "сложность", это "неудобство" — они чего-то стоят? Что где-то под слоями расчёта, прагматизма и демонической ярости есть... что? Человеческое? Нет, не человеческое. Что-то своё, демоническое, но *живое*. Не просто алгоритм владения.

Я тряхнула головой, пытаюсь сбросить эти мысли, как назойливых мух. Это ловушка. Самая изощрённая. Он не мог контролировать мою силу через страх и принуждение так, как хотел, вот и сменил тактику. Подбросил эти крохи... чего? Признания? Чтобы я сама полезла в петлю, доверчиво потянувшись к этому призрачному теплу.

"Через десять минут у экрана. Оденься теплее."

По деловому. Практично. Как будто ничего и не было. Как будто он не стоял секунду назад, раздираемый чем-то, что выглядело почти как отчаяние. Я натянула свитер, его грубая шерсть хоть как-то отгородила от мира. Вышла из комнаты. В гостиной он уже сидел у экрана, его профиль был резок и сосредоточен. Ничего не напоминало о недавней вспышке. Только атмосфера всё ещё висела чуть более натянутой, чуть более хрупкой.

Он не обернулся, когда я села рядом, отодвинув свой стул.
— Начинай с этих координат, — сказал он ровным, командным голосом, ткнув пальцем в карту. — Сравнивай с твоими ощущениями. Ищи аномалии в моих расчё-

тах. — Пауза. Короткая. — И, Рита?

Я подняла на него глаза. Он смотрел на экран, но я чувствовала, что всё его внимание здесь, на мне. — Забудь про "вещь". И про "оружие", если тебе так не нравится. Просто... работай. Вместе. Это достаточно сложно и без лишних ярлыков.

Он не стал ждать ответа, снова уткнувшись в данные. А я сидела, сжав стилус в онемевших пальцах, и понимала, что он только что поселил во мне не только надежду. Он поселил ещё и эту странную, невыносимую тяжесть "вместе".

Я погрузилась в работу с почти животной жадностью. Это был побег. От его взгляда, от этой новой, невыносимой тяжести «вместе», от предательской надежды, шептавшей у меня за спиной. Я уткнулась в экран, в столбцы координат, частотных всплесков, энергетических подписей, которые он скачал из системы Шаккала.

Всё своё внимание, всю ту звенящую внутреннюю дрожь, я направила в данные. Я сравнивала свои вчерашние ощущения — тот холодок, тягучесть, злую пустоту — с математическими моделями, которые он построил. Ставила метки, где моё чувство не совпадало с предсказанной силой сигнала. Искала закономерности не в сухих цифрах, а в странных, едва уловимых аномалиях: вот здесь сигнал был слаб, но отдача — «старая», въевшаяся, как въелся тот запах озона и пыли в подземелье. А вот здесь — сильный, яркий всплеск на карте, но в памяти от него осталось лишь лёгкое, свежее

покалывание, будто кто-то только что провёл пальцем по коже.

Я работала молча, увлечённо, забывая иногда даже дышать. Он сидел рядом, и я чувствовала его внимание, как тёплую ладонь на затылке. Но он не вмешивался. Только иногда, когда я ставила очередную вопросительную метку, с его стороны раздавалось короткое: «Объясни».

И я объясняла. Голосом, всё ещё чуть хриплым от напряжения, но уже без дрожи. Говорила о «вкусе» искажения, о «возрасте» следа, о странных пустотах, которые, по моим ощущениям, были не отсутствием чего-то, а... чем-то новым, только что созданным.

И где-то через час мы нашли её. Зацепку.

— Смотри, — я провела линию на общем экране, соединяя три точки, которые на его карте выглядели как слабые, фоновые помехи. — Здесь, здесь и здесь. Сигнал почти нулевой по твоим датчикам. Но... — я закрыла глаза, пытаюсь вновь вызвать в памяти те едва уловимые ощущения. — Но там не пусто. Там... свежо. Как будто только что открыли окно в душевной комнате. Сквознячок. Очень молодой. Не устоявшийся.

Он придвинулся ближе, его плечо почти коснулось моего. Его взгляд стал острым, как бритва.
— Молодой. Ты уверена?
— Да. И... — я замерла, поймав новую нить. — Они... держат его открытым. Не как стабильный портал, который уже врос в реальность. А как... дверь нараспашку.

Которая постоянно хлопает на ветру, но её никак не закроют. Долго. Очень долго для такого нестабильного образования.

Он резко встал, подошёл к главному экрану и начал строить новую модель, вводя мои параметры: «свежесть», «нестабильность», «длительное поддержание». Алгоритмы зашумели, перестраивая карту. И через несколько минут на ней проступила новая, тонкая, почти невидимая паутина. Она не совпадала с основными узлами Шаккала. Она была поверх, как плёнка.

— Это не узлы сети, — прошептал он, и в его голосе звучало восхищение и ледяная ярость одновременно. — Это... питающие каналы. Шлюзы. Он не просто строит статичную структуру. Он качает что-то. Постоянно. Из... — он увеличил масштаб, и мы увидели, что все эти «молодые порталы» сходятся не в точках на карте города, а как будто уходят куда-то вглубь, в другое измерение, в некое «место», которое не имело координат на нашей карте. — ...из источника. И использует для этого свежие, нестабильные разрывы, потому что их энергетический след минимален. Их почти невозможно засечь обычными средствами. Если бы не ты...

Он обернулся ко мне. Его глаза горели холодным триумфом.
— Он качает энергию. Или информацию. Или и то, и другое. И делает это прямо сейчас. Прямо здесь, под нашим носом. Эти «сквознячки»... Это его система жизнеобеспечения. Или система связи с тем, кто стоит за ним.

Он сел обратно, его пальцы замерли над клавиатурой.

— Нам нужен один из них. Не чтобы разрушить. Чтобы... прослушать. Понять, что он качает. И куда. — Он посмотрел на меня. — Ты сможешь найти самый «свежий»? Самый активный? Тот, который прямо сейчас открыт?

Я кивнула, ещё не до конца осознавая масштаб открытия, но уже чувствуя адреналин охоты. Это было не про меня. Не про мои чувства. Это была чистая работа. И в ней мы были... командой. Опасной, смертоносной, но слаженной.
— Думаю, да. Если подъехать ближе.
— Тогда собирайся. — Он встал, его движения снова стали резкими, целеустремлёнными. — Мы едем на охоту. На этот раз не в логово. На перехват. И, Рита, — он остановился в дверном проёме, его взгляд стал тяжёлым, — будь готова. То, что мы там услышим или увидим... может изменить всё. В том числе и наше понимание того, с чем мы имеем дело. И тебя в том числе.

Он ушёл собирать снаряжение, оставив меня одну перед экраном, где мерцала та самая, невидимая паутина. Моя зацепка. Наше новое направление. И в груди, рядом со страхом и надеждой, зажглось что-то третье — острый, жгучий интерес. И осознание, что эта игра только что перешла на совершенно новый, невероятно опасный уровень. И мы с ним были в ней вместе. Хотела я того или нет.

Глава 8. Перехват

Мы выехали на окраину города, в промзону, где по моим ощущениям пульсировал самый «свежий» и активный из тех молодых порталов. Место оказалось заброшенной котельной. Воздух внутри был прогрет до противной, влажной теплоты, пахло ржавчиной и чем-то сладковато-гнилостным.

«Сквознячок» висел в центре огромного помещения, где когда-то стояли котлы. Теперь там было пусто, только на полу, прямо под невидимым обычным глазом разрывом, был вычерчен сложный, сияющий слабым багровым светом контур — стабилизирующий круг. И вокруг него, как тихие тени, стояли трое стражей. Не гибриды. Настоящие демоны, но другого типа — не массивные воины, а тонкие, жилистые, с длинными пальцами и глазами, похожими на щели в пепле. Стражи тишины. Идеальные для охраны такого тонкого процесса.

Велиал, уже в своей второй ипостаси, лишь кивнул в их сторону. План был прост: он отвлекает, я подбираюсь к кругу и пытаюсь «подслушать» портал, пока он нестабилен.

Но Шаккал, как всегда, предусмотрел больше. Как только Велиал ринулся вперёд, из тени за стражей вышел ещё один. Не князь, но явно старший, командир. Его кожа была покрыта мерцающими, как ртуть, чешуйками, а из плеч росли два дополнительных пары тонких, костяных рук, каждая сжатая

в кулак или держащая короткий, изогнутый клинок.

Завязалась яростная, почти беззвучная схватка. Велиал дрался с командиром и двумя стражами, третий страж оставался у круга, его безликий взгляд был устремлён в пустоту, но я чувствовала, как его внимание сканирует пространство.

Мне удалось проскользнуть за спины, пользуясь хаосом. Я припала к самому краю круга, ладони легли на холодный бетон рядом с сияющими линиями. И тут я почувствовала его. Не сам портал. А то, что шло *через* него. Тонкую, непрерывную струйку чего-то невыразимо древнего, тёмного и... сладкого для демонического восприятия. Это была не просто энергия. Это была *сущность*. Концентрированная, запретная.

Я закрыла глаза, отпуская своё восприятие вдоль этого потока, пытаюсь понять источник. И в тот же миг командир, улучив секунду, когда Велиал парировал удар двух стражей, метнул один из своих клинков. Не в Велиала. В меня.

Я увидела движение краем глаза, но было поздно. Велиал, однако, увидел раньше. Он резко развернулся, приняв удар клинка на своё крыло. Костяное лезвие впилось глубоко с тошнотворным хрустом. Велиал взревел от боли, но не остановился, вырвав клинок и швырнув его обратно в командира.

И снова. Та же леденящая мысль, тот же снимок будущего: он, истекающий чёрным, с поломанным крылом. *Его могут убить. Прямо сейчас. Из-за меня.*

Страх не просто накрыл. Он взорвался изнутри. Я не думала. Не концентрировалась. Просто вскрикнула — и из меня вырвалась не узкий луч, а волна ослепительно-золотого света, ударившая веером по командиру и двум стражам. Это был не ожог, а чистый, разрывающий связь с реальностью удар. Демоны вскрикнули, отшатнулись, их формы на мгновение поплыли, стали прозрачными.

— Рита, круг! Сейчас! — проревел Велиал, уже вырывая клыки из горла одного ослабевшего стража.

Я рванулась обратно к кругу. Сила после всплеска уходила, но оставалось достаточно. Я вонзила пальцы прямо в сияющие линии энергии, не в физический пол, а в сам узор. И *потянула* на себя восприятие, заставляя его развернуться не как канал, а как... окно.

Картина в сознании сменилась. Я больше не чувствовала просто поток. Я *увидела* место, откуда он шёл. Бескрайнюю, чёрную равнину под багровым, неподвижным небом. И на ней — бассейн из чего-то, похожего на жидкий обсидиан, но пульсирующего внутренним огнём. Вокруг бассейна стояли стражи, другие, более мощные. А над самым источником, скрестив руки, парила в воздухе демоническая фигура в доспехах цвета вулканического шлака, с короной из скрученных, чёрных рогов.

И я поняла. Это был не Шаккал. Это был его поставщик. Князь. Один из правителей слоёв, соседствующих с владениями Велиала. Их земли всегда соперничали.

Поток шёл от этого бассейна прямо через портал. И это было... *Изначальное Пламя Теней*. Реликтовая, первородная энергия самого Нижнего мира, добываемая лишь в нескольких, строго охраняемых местах. На территории этого князя. И, как я вдруг сообразила, вспомнив обрывки из книг Велиала, на территории *самого Велиала* тоже был такой источник. И он был под строжайшим запретом для добычи — слишком нестабилен, слишком опасен для самого баланса.

Шаккал, через своего конкурента, воровал этот запретный ресурс. Прямо из-под носа Велиала.

Я рванула своё сознание назад, как от раскалённого железа. Портал под моими руками завизжал, линии круга вспыхнули алым.

— Велиал! — выкрикнула я, едва переводя дыхание. — Это... Изначальное Пламя! Его качают! Изгарр! Сосед!

Велиал, добив последнего стража, замер. Кровь сочилась по его крылу, но его взгляд был ледяным, абсолютно ясным. Он понял всё с полуслова.
 — Изгарр, — произнёс он имя так, будто выплюнул яд. — Так вот как он финансирует свои игрушки. Ворует у меня через моего же врага.

Он подошёл, грубо вытащил меня из круга. Его рука была липкой от его же крови.
 — Ты уверена?
 — Видела источник. Его стражу. Он там, над ним, контролирует поток.

Велиал кивнул, его черты искажила не ярость, а холодная, беспощадная расчетливость.
 — Тогда мы не просто нашли канал. Мы нашли слабое звено в цепи Шаккала. И

причину для очень... неприятного разговора с соседом. — Он посмотрел на дёргающийся, нестабильный портал. — Закрой его. Нежно. Чтобы на той стороне подумали, что просто сбой.

Я собрала остатки сил, не чтобы разорвать, а чтобы аккуратно «запечатать» разрыв, имитируя коллапс от нехватки энергии. Портал сжался и исчез с тихим хлопком.

В котельной воцарилась тишина, нарушаемая только нашим тяжёлым дыханием. Велиал, всё ещё в своей демонической форме, медленно складывал крылья, морщась от боли.

— Изгarr, — повторил он снова, уже размышляя вслух. — Это меняет расстановку сил. Шаккал не просто архивариус. Он — дипломат. И вор. Он играет на старых противоречиях. — Он посмотрел на меня, и в его глазах горел уже не охотничий азарт, а мрачное удовлетворение стратега, получившего ключевые разведданные. — Ты сегодня... — он запнулся, как будто подбирая слово, которое не хотел произносить, — ...сработала безупречно. И как детектор, и как... подавитель.

Он подошёл, взял меня за подбородок, заставив посмотреть в глаза.
 — Этот свет... он снова вышел, когда командир метнул в тебя клинок? Когда я получил по крылу?

Я кивнула, не в силах солгать, зная, что он и так всё видел.
 — Значит, триггер не просто «опасность». А опасность *мне*. — Он произнёс это не как вопрос, а как окончательный вывод. И отпустил меня. — Очень, очень интерес-

но. И очень полезно. Пойдём. Нам нужно обработать раны и составить план. Теперь у нас есть не только Шаккал. У нас есть князь Изгарр. И повод устроить ему крайне неприятный сюрприз.

Он повернулся и пошёл к выходу, прихрамывая, но с прямой спиной. А я стояла среди тел стражей, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Мы не просто нашли зацепку. Мы вскрыли целый заговор. И моя роль в этом, моя сила и её источник, стали для Велиала не просто личной загадкой. Они стали стратегическим активом в войне, которая оказалась куда масштабнее, чем мы думали. И в центре этой войны, связанные одной тайной и одним врагом, оказались мы. Он, я, и эта проклятая, живая связь между нами, которая только что снова спасла ему жизнь.

Я шла за ним к машине, ноги подкашивались, но разум лихорадочно работал. Его последние слова висели в воздухе, острые и невыносимые: *«Значит, триггер не просто «опасность». А опасность мне.»*

Он был так близко к разгадке. Вплотную. Уже не просто «эмоция», а конкретика: *мне*. Опасность *ему*. Это уже отговоркой про инстинкт самосохранения не закроешь.

Но... что, если? Что, если вывернуть это? Не отрицать. Направить в другое русло.

Пусть думает, что это инстинкт. Но не «беречь хозяина». А... «беречь единственную защиту». Ведь он прав — без него я жива ни от Шаккала, ни от его князей-покровителей

не выйду. Я — ценный, но уязвимый актив в его войне. И этот «инстинкт» — просто программа выживания самого актива. Глубоко укоренённый, животный страх остаться без щита, без самого сильного хищника в своей же стае. Чистый расчёт. Прагматизм до мозга костей.

Да. Это он поймёт. Это впишется в его логику. Страх потери ресурса. Страх оказаться в лапах у врага, который выжмет из меня всё, а потом выбросит. Страх боли, унижения, смерти — да, но не из-за него, а из-за того, что его не будет рядом, чтобы это предотвратить.

Я почти физически ощутила, как натягиваю между нами эту новую, спасительную ширму. Он увидит в моей реакции не любовь, не привязанность, а продвинутую форму эгоизма. Выживание любой ценой, в том числе и через защиту своего главного козыря — его самого.

Он уже открыл дверь пассажира, его взгляд скользнул по моему лицу, выискивая подтверждение своим догадкам. Я села, уставившись в окно, и произнесла, нарочито ровно, будто констатируя погоду:

— Логично. Без тебя он меня сожрёт за пару часов. Или тот князь, что стоит за ним. Так что да, инстинкт беречь единственную гарантию выживания. Сильный стимул.

Я рискнула взглянуть на него. Он стоял, оперевшись о дверь, его демонические черты уже почти сошли, но в глазах оставалась та самая, хитрая глубина. Он молчал, переваривая мои слова.

Потом усмехнулся. Коротко, беззвучно.
 — Эгоистично. Но разумно. — Он хлопнул дверью, обошёл машину и сел за руль. Завёл двигатель. — Значит, будем считать это базовой установкой. Страх потери защиты. — Он тронул с места, и машина плавно вырулила из ворот котельной. — Интересно, как далеко этот «инстинкт» может зайти. И что будет, если я... сознательно создам ситуацию, где эта защита будет под *реальной* угрозой. Для проверки границ, разумеется.

Он бросил на меня быстрый взгляд, в котором смешались вызов и холодное любопытство учёного.
 — Но это позже. Сначала — Изгарр. И разбор полётов по поводу воровства. А ты, — он добавил, уже глядя на дорогу, — пока что можешь считать свою «гарантию выживания» в относительной безопасности. Но помни: даже гарантии иногда требуют подтверждения. И чем они ценнее, тем... интенсивнее проверки.

Он замолчал, сосредоточившись на дороге. А я сидела, сжав руки на коленях, и понимала, что моя новая ширма принята. Временно. Он купился на логику. Но «проверка границ»... Эти слова звучали как обещание новой, более изощрённой пытки. Потому что даже если он верит в мой «эгоистичный инстинкт», ему всё равно нужно будет выяснить его пределы.

— Эгоизм, как мне кажется, тебе не свойственен, — произнёс он, не глядя на меня, будто обсуждал погоду.

Сердце ёкнуло, застучало где-то в висках. Он не купился.

Не до конца. Или купился, но решил копнуть глубже этой удобной версии.

— Свойственен! — выпалила я слишком резко, слишком громко, защищая свой только что возведённый бастион. — Ещё как! Я хочу жить! А жить я могу только если ты... если моя «гарантия» цела и невредима! Это и есть высший эгоизм!

Он медленно повернул голову. Его профиль в свете фонарей казался высеченным из тёмного камня.
— Хочешь жить, — повторил он. — Да. Это базовая программа. Но, златовласка, высший эгоизм в твоей ситуации выглядел бы иначе. Попытка сбежать куда подальше, спрятаться, договориться с Шаккалом, предложив ему себя в обмен на защиту *от меня*. Или попытка убить меня, пока я сплю, чтобы заполучить абсолютную свободу. Рискованно, глупо, но — эгоистично по максимуму.

Он вернул взгляд на дорогу, но его голос продолжал звучать, ровный и неумолимый.
— А что ты делаешь? Рискуешь своим запасом сил, своим сознанием, открывая порталы в неизвестность. Бросаешься в бой, выпуская свет, который выжигает тебя изнутри. Не чтобы сбежать. А чтобы... что? Обеспечить продолжение текущего положения дел? Сохранить статус-кво, где ты — пленница, а я — тюремщик? Это не эгоизм. Это... — он сделал паузу, подбирая слово, и я замерла, боясь услышать его. — ...иррациональная адаптация. Глубокое, на уровне инстинктов, принятие иерархии.

Как у щенка, который защищает того, кто его кормит, даже если тот его бьёт. Только в твоём случае «кормление» — это безопасность от куда более страшных хищников.

Он замолчал, давая своим словам врезаться в сознание. Они были ужасны. Потому что в них была своя, извращённая правда. Правда, которая унижала, но не раскрывала главного.

— Так что нет, — заключил он уже тише. — Не эгоизм. Не чистая прагматика. Что-то более сложное. И мне ещё предстоит выяснить, что именно движет тобой, когда ты светишься. Страх? Зависимость? Или... что-то ещё, что даже тебе самой не до конца понятно.

Он больше не говорил. А я сидела, прижавшись лбом к холодному стеклу, и чувствовала, как моя новая, хлипкая ширма трещит по швам. Он отбросил «эгоизм». Принял «иррациональную адаптацию». Это было хуже. Гораздо хуже. Потому что адаптация — это процесс. А процесс можно изучать, стимулировать, направлять. И он этим займётся. Со своей обычной, демонической дотошностью. И рано или поздно докопается до той самой сути, которая не была ни страхом, ни зависимостью, ни инстинктом.

До той сути, из-за которой сердце пропускало удар при его имени и которое сейчас, в тишине салона, отчаянно и глупо стучало в такт его спокойному дыханию.

Я прошла в квартиру, чувствуя себя выжатой. Мысли пугались, но одна пробивалась сквозь туман усталости и стра-

ха, острая и ясная: *Выжигать чувства. Любой ценой.* Если эта «иррациональная адаптация» коренится в близости, в привычке, в этих ночах в одной постели... Значит, нужно рвать. Сейчас.

Он молча снял куртку, бросил её на стул, и я почувствовала его взгляд на своей спине, тяжёлый и вопрошающий. Я не оборачивалась. Направилась прямо по коридору, мимо двери в его спальню (в *нашу* спальню, поправил внутренний голос), к той самой комнате, что изначально была моей.

Дверь скрипнула. Внутри пахло пылью и замкнутым воздухом. Всё было так, как я оставила: аккуратно заправленная кровать, которой никто не пользовался, пустой шкаф. Я вошла и притворила дверь. Звук щелчка был тихим, но в тишине квартиры он прозвучал как выстрел.

Я стояла посреди комнаты, дрожа от внутреннего напряжения и дикой усталости. Всего несколько шагов. Всего лишь другая дверь. Это было просто. Это было необходимо.

Спустя минуту, может две, в коридоре раздались шаги. Они остановились прямо за дверью. Тишина. Потом — лёгкий стук костяшками пальцев.

— Рита? — его голос прозвучал ровно, без гнева. Но в нём была та самая, опасная убеждённость. — Забыла, где спишь?

Я замерла, стиснув зубы. Сердце колотилось так, что, казалось, он слышит его сквозь дверь.
— Не забыла, — выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Просто... устала. Хочу одна.

Тишина за дверью стала гуще, тяжелее.
 — Одна, — повторил он. Не как вопрос. Как диагноз. Потом дверь беззвучно открылась — он даже не стал стучать второй раз. Он стоял на пороге, заслонив свет из коридора, в простых брюках и разорванной футболке. Его лицо было в тени, но я чувствовала его взгляд. — Это часть новой стратегии? Дистанцироваться? Ослабить «адаптацию»?

Он сделал шаг вперёд, и я невольно отступила.
 — Это... здравый смысл, — сказала я, упираясь спиной в край комода. — Мы не... мы не пара. Мы — команда по необходимости. Команды спят отдельно, чтобы лучше работать.

Он тихо фыркнул.
 — Команды. Да. — Он подошёл ещё ближе, и теперь я видела его лицо. Не было ярости. Была та самая, хитрая, аналитическая заинтересованность. — И ты думаешь, что если ты будешь спать здесь, это улучшит нашу... работоспособность?

— Я думаю, что это уберёт лишние переменные, — парировала я, глядя ему прямо в глаза, стараясь не моргнуть.

— Лишние переменные, — повторил он, и его рука медленно поднялась. Он не стал касаться меня. Он лишь провёл пальцем по пыльной поверхности комода рядом с моим плечом. — Как, например, возможность наблюдать за твоими снами? Чувствовать, как ты ворочаешься, когда тебе страшно? Слышать, как ты зовёшь меня по имени, когда думаешь, что спишь? — Он произнёс это так просто, как будто перечислял пункты отчёта. — Это очень ценные данные, Ри-

та. Они помогают мне понимать тебя. Предугадывать. Защищать.

Его палец остановился.
 — Твоя новая комната... она даст мне только тишину. И недопонимание. А в нашей ситуации недопонимание может быть смертельным. Для тебя. — Он наклонился чуть ближе. — Так что нет. Никаких отдельных спален. Никакого дистанцирования «для пользы дела». Ты спишь со мной. Потому что я так сказал. И потому что это — самый эффективный способ держать руку на пульсе моего самого ценного и самого проблематичного актива. Поняла?

Он выпрямился и сделал шаг назад, к двери, явно ожидая, что я последую за ним.

И я поняла. Это был не просто приказ. Это была ловушка. Отказаться — значит проявить неподчинение, подлить масла в огонь его подозрений. Согласиться — значит снова лечь в ту постель, где стены рушатся, а границы тают. Но в его логике это действительно было «эффективно».

Я выдохнула, смирившись с поражением, которого сама же и спровоцировала. Медленно, сгорбившись, я прошла мимо него обратно в коридор, к *нашей* спальне. Он шёл следом, и его молчание было красноречивее любых слов. Эксперимент по «выжиганию чувств» провалился, не успев начаться. Потому что поле для этого эксперимента контролировал он. И сегодня ночью, как и все предыдущие, мне предстояло заснуть под его тяжёлой рукой, слушая его дыхание и чувствуя, как эта самая «адаптация» пускает в моей душе

всё более глубокие и опасные корни.

Хотя... пронеслось в голове, тихо, но ясно. Я же могу уйти ночью. Когда уснёт.

Да.

Это было просто. Глупо, рискованно, но просто. Он спал крепко, особенно после таких дней. Я могла дожидаться, пока его дыхание станет ровным и глубоким, тихо выбраться из-под его руки, прокрасться на цыпочках обратно в свою комнату и запереть дверь. Утром... утром будет сцена. Гнев, вопросы, возможно, наказание. Но это был бы акт. Маленькое, но своё собственное решение. Доказательство, что не все переменные под его контролем. Что у меня ещё есть хоть какая-то способность выбирать, где мне спать.

Он лёг, потянулся к выключателю, погрузив комнату в полумрак. Его рука привычным жестом потянулась ко мне, когда я скользнула под одеяло. Я замерла, притворяясь уже спящей, но его пальцы всё равно нашли моё плечо, легли на него властно, но без прежней, почти рефлекторной тяжести. Он был уставшим.

— Спи, — прошептал он уже почти во сне, его голос был низким и размытым. — Завтра... разберёмся с Изгарром...

Его дыхание довольно быстро выровнялось, перешло в ту мерную, глубокую частоту, которую я научилась узнавать. Его рука на моём плече расслабилась, но не упала. Она просто лежала, как тёплый, живой груз.

Я лежала, не двигаясь, считая секунды, потом минуты.

Сердце колотилось так громко, что, казалось, разбудит его. Когда прошло, наверное, полчаса, я начала медленно, по миллиметру, выдвигаться из-под его руки. Одеяло шуршало ужасно громко в тишине. Я замерла, прислушиваясь. Его дыхание не изменилось.

Ещё один осторожный сдвиг. Потом ещё. Его рука соскользнула с моего плеча и упала на матрас. Я была свободна.

Я медленно, как в замедленной съёмке, сползла с кровати, босые ноги коснулись прохладного паркета. Ни звука. Я обернулась. Он лежал на боку, лицом ко мне, но глаза были закрыты, губы чуть приоткрыты. Спящий. Настоящий.

Я сделала шаг к двери, потом другой. Каждый шаг казался предательством. Рука уже тянулась к ручке двери...

— Куда собралась, златовласка? — голос прозвучал прямо у меня за спиной. Негромкий, сонный, но абсолютно ясный.

Я застыла, как вкопанная, рука зависла в сантиметре от металла. Медленно обернулась.

Он не встал. Он лежал в той же позе, только глаза были теперь открыты. В полумраке они светились спокойным, аметистовым отсветом. Никакой ярости. Никакого удивления. Только усталое, почти что... разочарованное понимание.

— Я... в туалет, — выдавила я первое, что пришло в голову, голос предательски дрогнул.

— Туалет, — повторил он, не меняя тона. — Через гости-

ную. Мимо своей старой комнаты. Очень логичный маршрут. — Он вздохнул и приподнялся на локте. — Я же сказал. Никаких отдельных спален. Ты что, думала, я усну по-настоящему, после такого дня, зная, что ты строишь планы по дистанцированию?

Он поманил меня пальцем. — Иди сюда. Обратно. Пока я не встал и не принёс тебя обратно сам. Это будет менее достойно для нас обоих.

Я стояла, чувствуя, как по щекам разливается жар глубочайшего унижения. Он не спал. Он *ждал*. Проверял. И я, как дура, попала в эту элементарную ловушку.

Медленно, с опущенной головой, я побрела обратно к кровати. Он откинул одеяло, давая место. Я скользнула внутрь, повернувшись к нему спиной. Его рука легла на мою талию, на этот раз сжимая плотнее, увереннее.

— Спи, — сказал он снова, и в его голосе прозвучала странная, тяжёлая нота. — И перестань выдумывать. Ты никуда не денешься. Ни ночью, ни днём. Прими это. И дай наконец отдохнуть мне. И себе.

Он притянул меня чуть ближе, его дыхание снова стало ровным, но на этот раз я знала — он не спит. Он бдит. И, возможно, так будет всегда. А я лежала, стиснув зубы, чтобы не расплакаться от бессилия, и понимала, что даже иллюзия выбора была отнята. Он держал все карты. Даже во сне.

— Это ты спи! Бдишь тут! — выпалила я в подушку, уже не в силах сдержать раздражение, смешанное с унижением.

Голос задрожал, но не от страха, а от бессильной злости.

Он рассмеялся ещё громче, его грудь вздрогнула у меня за спиной.
— Конечно, — прошептал он, и его губы коснулись моего плеча сквозь тонкую ткань майки. — Как же иначе? Моя самая ценная и самая проблемная инвестиция пытается сбежать с ночёвкой. Кто, по-твоему, должен быть на страже? Кассиан? Он, кстати, спит как убитый. А вот я... — он сделал паузу, и его голос стал чуть серьёзнее, — ...я не могу позволить себе такую роскошь. Не с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.